

ГЕНЕАЛОГИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ БЕЛОРУСОВ В КОНТЕКСТЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРАКТИК

Татьяна Островская

«Не нужно себя обманывать: образ других народов или собственный образ, который живёт в нашей душе, зависит от того, как в детстве нас учили истории».

М. Ферро

Введение

Следует признать, что белорусская история, преподаваемая школьникам, – явление уникальное. Трудно представить, что за относительно короткий промежуток времени, около 20 лет, оказалось возможным столько раз и столь радикально переписать историческое прошлое. Тем не менее мы приходим к такому выводу, изучая современные учебники по истории Беларуси для белорусских школьников. Эти изменения не могут не оказывать влияние на представления молодых белорусов о самих себе и своей истории.

Поль Рикёр, представитель феноменологической герменевтики, указывает на способность человека вспоминать и описывать своё прошлое – способность, направленную на создание идентичности как одной из фундаментальных характеристик человеческого бытия. Используя схему Рикёра, взаимоотношения между идентичностью, образованием и историческим прошлым могут быть описаны посредством метафоры герменевтического круга, то есть определённые представления об историческом прошлом закладываются в основание национальной идентичности, а образование выступает своего рода медиумом. И тогда сохранение исторического прошлого невозможно без перманентной трансляции средствами образования и последующей его интериоризации индивидами.

В то же время двигателем, который запускает процесс циркуляции смыслов в рамках данного герменевтического круга, является поле властных отношений. «Описание прошлого является привилегией господствующих классов», – пишет в этой связи М. Ферро [2]. Поэтому смена власти неизбежно приводит к изменению исторической перспективы, которая в свою очередь отражается в форме и способах преподнесения исторического прошлого подрастающему поколению. При этом всегда существует опасность злоупотребления «властью над историей», что может негативно сказаться и на процессах формирования идентичности.

Поле, в котором пересекаются и взаимодействуют перечисленные перспективы властных отношений, исторического прошлого, идентичности и образования, являются школьные учебники истории Беларуси. Это именно тот ракурс, который позволяет не только обнаружить роль образования в контексте конструирования идентичности, но и определить границы символического насилия властного дискурса

по отношению к исторической памяти: «История в том виде, как её рассказывают детям, да и взрослым, позволяет одновременно узнать и то, что общество думает о себе, и то, как изменяется его положение с течением времени» [2]. Далее М. Ферро, ссылаясь на Б. Кроче, утверждает, что «история в большей мере ставит проблемы своего времени, чем той эпохи, которую, как предполагается, она изучает» [2].

Таким образом, основным эмпирическим **материалом** нашего исследования выступают учебные пособия по истории Беларуси. **Цель исследования** заключается в том, чтобы рассмотреть основные этапы (ре)конструирования национальной исторической памяти в рамках образовательного поля, а также её возможное влияние на национальную идентификацию. Для достижения поставленной цели мы попытались решить следующие важные **задачи**:

- детально проанализировать школьные учебники по истории, изданные в период с 1990 по 2010 гг.;
- выявить закономерности и основные изменения в репрезентации исторического прошлого в учебных пособиях и связь этих изменений с соответствующим социально-политическим контекстом;
- определить основные периоды в рамках указанной временной репрезентации;
- рассмотреть основные стратегии конструирования исторической памяти;
- оценить выявленные тенденции с точки зрения возможности влияния на процесс национальной идентификации.

В исследовании применяются следующие **методы**: дискурс-анализ исторической учебной литературы; сравнительный анализ; герменевтический метод; метод социального конструктивизма. **Объект** представленного исследования – учебные пособия по истории Беларуси с V по XI классы, изданные в период с 1990 по 2010 гг. **Предмет** исследования: генеалогия исторической памяти белорусов в контексте образовательных практик.

Ссылаясь на Рикёра, отметим, что в отношениях между настоящим, прошлым и будущим существует диалектическая взаимосвязь, что означает не только влияние давно произошедших событий на современные, но также и то, что прошлое меняется под воздействием современности и представлений о будущем. Образование в современном обществе, в том числе и в белорусском, по-прежнему остаётся одним из ведущих факторов национальной и культурной идентификации. Это подтверждается и приоритетами программы социально-экономического развития Республики Беларусь, принятой на 2006–2010 гг. В частности, в программе прописано, что «образование должно стать основой всех преобразований, проводимых в нашей стране, поскольку образование, в конечном счёте – фундамент, который позволит построить сильную и процветающую Беларусь» [1].

В Республике Беларусь сферу образования регламентирует «Закон об образовании», принятый в 1995 г., который затем трижды редактировался – в 1996, 1999 и 2002 гг. На данный момент действует редакция закона от 19 марта 2002 г. Но в ближайшее время ожидается принятие *Кодекса об образовании*, который должен обеспечить полную законодательную и нормативную базу в сфере образования. Под *образованием* понимается «процесс обучения и воспитания в интересах человека, общества, государства, направленный на сохранение, приумножение и передачу знаний новым поколениям, удовлетворение потребностей личности в интеллектуальном, культурном, нравственном, физическом развитии, на подготовку квалифицированных кадров для отраслей экономики» [7].

Одной из важнейших функций образования выступает культуросозидательная функция, которая обеспечивает сохранение, передачу, воспроизводство и развитие культуры. Однако центральным звеном этого процесса является личность ученика, в которую и закладывается механизм культурной идентификации. В то же время, согласно концепции М. Кастельса, идентичность представляет собой «процесс конструирования смысла на основе определённого культурного свойства или

соответствующей совокупности культурных свойств, которые обладают приоритетом по отношению к другим источникам смысла» [6, с. 6].

Таким образом, важным элементом в процессе национально-культурной идентификации является интериоризация, или принятие, усвоение предлагаемых в рамках школьного образования смыслов. Проекты идентичности могут сколько угодно конструироваться, но пока они не усвоены индивидом (в нашем случае школьником), они не становятся значимыми смыслами, а остаются лишь проектами.

Исследование включало в себя анализ более 30 учебников по истории Беларуси для средней школы (V–XI классы), изданные в период с 1993 по 2009 гг. Необходимо отметить, что в процессе исследования обнаружилось, что основной репрезентативностью обладают учебники для VI, VII, VIII и IX классов. Поскольку учебники для V класса в основном посвящены изложению истории первых поселений на территории Беларуси, которая, как правило, не является объектом идеологических манипуляций и, соответственно, представляет меньший интерес для нашего исследования. Кроме того, выяснилось, что материал учебников для X–XI классов построен на повторении материала, изученного в V–IX классах, и нередко дублирует его в более сжатой, но несколько усложнённой в плане изложения форме. Поэтому учебники по *истории Беларуси* для X–XI классов используются нами в основном как вспомогательный материал.

Необходимо также обратить внимание на реформу школьного образования (переход с 11-летнего образования на 12-летнее и обратно), которая имела место с 1998 по 2009 гг. На наш взгляд, данная реформа существенно не повлияла на содержание и форму излагаемого в учебниках материала и поэтому не имеет большого значения для исследуемого вопроса.

Предварительный анализ материала и его соотнесение с историческим и социально-политическим контекстом времени издания учебников позволили разделить весь комплекс учебных пособий на три части. Изучение контекста написания учебников представляется нам важным, поскольку открываются новые возможности для более тщательного анализа текста. По словам голландского лингвиста Т. ван Дейка, «мы понимаем текст только тогда, когда понимаем ситуацию, о которой идёт речь». Таким образом, исследуемый отрезок времени можно разделить на три периода:

Первый период: 1990–1995 гг. Этот период формально начинается 27 июля 1990, с принятия «Декларации о государственном суверенитете Республики Беларусь». Между тем в независимой Беларуси фактический переход на новые учебники по истории Беларуси начинается с 1993 г. Именно этим годом датируется новая учебная литература. Мы определяем концом данного периода 1995-й год. И здесь снова наблюдается некоторое несоответствие с социально-политическим контекстом. Несмотря на то что выборы первого президента РБ и вступление в должность главы государства А. Лукашенко происходили в 1994 г., что означает и одновременную смену политического курса, значительных изменений в учебной литературе в этот момент не отмечено.

Второй период: 1996–2001 гг. Белорусский политолог А. Казакевич охарактеризовал его через доминирование «революционной» панславистской/русистской идеологии с элементами советской реставрации». Этот период фактически начинается с референдумов 14 мая 1995 и 24 ноября 1996 г., в соответствии с решениями которых изменяется государственная символика Республики Беларусь, русский язык наделяется статусом государственного и устанавливается новая дата празднования Дня независимости – 3 июля. Данные изменения являются ключевыми в контексте нашего понимания содержания учебной литературы по истории Беларуси, издаваемой в это время. Поскольку указанные события непосредственным образом отражают новое, озвученное властным дискурсом, а затем легитимированное народом понимание истории. Кроме того, начиная с 2 апреля 1996, даты подписания

договора об образовании Сообщества Беларуси и России, происходит интенсификация отношений с Россией.

Третий период: 2002–2010 гг. – период построения идеологии белорусского государства. Точкой отсчёта нового периода в интерпретации исторической памяти можно считать выступление президента Беларуси А. Лукашенко на пресс-конференции 17 сентября 2002 г., в котором было заявлено о необходимости формирования национальной идеи. И почти одновременно эта установка начинает внедряться в сферу образования. В 2003 г. издаётся приказ министерства образования «Об идеологическом сопровождении воспитательной работы», в котором воспитание увязывается с идеологической работой. Первого апреля 2004 г. появляется ещё один приказ «О неотложных мерах по организации идеологической работы в вузах».

Необходимо обратить внимание на тот факт, что год издания того или иного учебного пособия не всегда является критерием отнесения к тому или иному периоду. Зачастую учебная литература издаётся позже, но концептуально относится к предыдущему периоду.

Следует также отметить, что издание новых учебников как ответ на изменения в обществе не происходит моментально, в особенности это касается первых двух отмеченных периодов. Что можно обосновать как необходимостью определённого времени для написания учебника, так и отсутствием должного внимания к сфере образования в эти периоды. Это означает, что сфера образования не рассматривалась как приоритетная, должная незамедлительно реагировать на изменения, происходящие в обществе. Властный дискурс, характеризуясь антагонизмом множества политических акторов и в целом нестабильностью, не интерпретировал образование как социальный институт, который может стать медиатором установления и поддержания нового социального порядка и определённых культурных ценностей. Именно поэтому после провозглашения независимости 27 июля 1990 г. и принятия закона «Об образовании в Республике Беларусь» 29 октября 1991 г., новые учебники по истории появляются только в 1993 г., а после избрания 10 июля 1994 г. А. Лукашенко президентом Республики Беларусь обновлённая школьная история начинает преподаваться только в 1998 г., причём не повсеместно. Впрочем, после 2002–2003 гг. ситуация коренным образом изменилась, и сфера образования была объявлена приоритетной в государственной политике. На наш взгляд, это связано со становлением системы государственной идеологии.

Среди основных пунктов идеологической работы – пропаганда среди студентов и преподавателей государственной символики, обеспечение наглядной агитации, усиление контроля над дисциплиной, поступлением средств из зарубежных фондов, контроль над выездом студентов за границу. Как полагает белорусский политолог В. Бобров, акцентирование молодежной политики, как и становление идеологической системы в целом, связаны с осознанием необходимости «борьбы за умы», то есть воспитания индивида, лояльного белорусской политической системе.

Наше исследование состояло из трех этапов. *Первый этап* заключался в отборе ключевых для исторической памяти белорусов событий и последующем сравнении интерпретаций данных событий. *Второй этап* включал в себя отбор и анализ характеристик знаковых для белорусской истории деятелей. Цель *третьего этапа* – поиск и осмысление самоописаний и описаний Другого в белорусских учебниках истории.

Необходимо отметить, что учебная литература – специфический материал для исследования, поскольку не позволяет нам составить явную картину современности и выявить те цели, которые ею преследуются. Это происходит в силу консервативности школьной истории, которая пишется с расчётом не на одно

поколение, а издание и апробация школьного учебника – дело, требующее определённых временных затрат. Школьный учебник не может появиться в результате конвейерного производства. Поэтому отголоски современности и цели акторов образовательного процесса доходят до нас опосредованно и спустя некоторый промежуток времени. Хотя в белорусском образовании периода независимости этот процесс представляется чрезвычайно интенсивным и насыщенным.

Часть 1. История как поле борьбы и средство врачевания

Цель первой части исследования состояла в том, чтобы провести сопоставление исторических событий и их интерпретаций в учебной литературе. Выбор критерия отбора исторических событий для сравнения может быть обоснован несколькими причинами. Сравнительный анализ учебной литературы позволяет выявить ключевую значимость данных событий в представлении исторического прошлого, что подтверждается совпадением линейки избранных событий с официальной хронологией белорусской истории, изложенной на сайте Президента Республики Беларусь (<http://www.president.gov.by/press19375.html#doc>), а также с данными социологических исследований, проведённых Институтом социологии АН РБ и социологической лабораторией «НОВАК» (см. <http://www.polit.ru/research/2010/07/19/belorus.html>).

М. Ферро утверждал, что «истории, независимо от её тяги к научному знанию, присущи две функции: врачевание и борьба» [2]. Согласно нашему представлению, в конце XX ст. история Беларуси посредством образовательного дискурса становится полем борьбы за власть номинации и контроль над процессом формирования национальной идентичности. Причём интерес для нас представляет история начиная с VIII столетия нашей эры до начала 1990-х гг. Исторические факты, имевшие место в этот промежуток времени, имеют различные интерпретации, которые могут приобретать совершенно разные назначения.

Учебная литература различается не только по содержанию, но и по функциям, которые она выполняет. Литература первого периода характеризуется попыткой деконструкции старых колониальных (советских) и создания новых националистических мифов, при этом сам материал учебной литературы реализует в основном функцию «врачевания» – утверждения себя посредством попытки «найти» себя в истории. Для этого создаётся героический эпос, утверждаются древность и самобытность нации и, главное, реабилитируются забытые и репрессированные советской историей имена и события. Естественно, процесс реконструкции (конструирования) истории и вписывания её в школьные учебники требует времени и совместных усилий историков, философов образования, педагогов.

Прочтение учебной литературы с точки зрения формирования национальной идеи делает особенно очевидным дефицит указанных факторов. Становится понятным, что новая история писалась в отсутствие стройной концепции, что не могло не сказаться на содержании учебников. Большинство событий представлено посредством подробного описания; если появляются оценки, то это, как правило, негативные оценки по отношению к советскому прошлому. Помимо этого, заметна концептуальная разница между разными главами учебников. Возможно, некоторые параграфы и разделы (например раздел, посвящённый участию Беларуси во Второй мировой войне) просто переписывались из истории БССР. Нередко проскальзывала популярная для советской эпохи обвинительная риторика, а также типичная лексика, которая теперь уже направлялась в обратную сторону. Часто встречаются, например, такие слова и словосочетания, как «большевики демагогично заявляли», «цепи или оковы тоталитаризма», «узкоклассовый подход». Что позволяет говорить о достаточно сильном влиянии советской историографии на учебную литературу первого периода.

Складывается впечатление, что авторы учебной литературы не задумывались о том, чтобы сделать её интересной для изучающих, стремясь представить подробную и стройную картину белорусской истории также и учителям. Для учебников характерно сложное изложение и избыточное количество материала. Как правило, учебник, изданный в 1993–1994 гг., содержит около 350 страниц, напечатанных мелким шрифтом, что, безусловно, является сложным для понимания и усвоения, особенно для учащихся V–VI классов. Практически не уделяется внимания характеристике исторических деятелей. Кроме того, школьная история данного периода характеризуется не критической, но историцистской и даже эссенциалистской установкой, которая безапелляционно связывает племена и этнические сообщества с нацией, представляя их как этапы закономерного развития. Например, в книге для V класса (год издания – 1993) речь идёт о Беларуси X столетия, а Российская империя времён XVIII или XIX веков называется Россией.

Тем не менее, такая установка может быть оправдана в связи с ситуацией тотального кризиса идентичности: распад советской идентичности требует появления новых проектов идентичности, систем ценностей и героев. Кроме того, следует учитывать, что идеи социального конструктивизма в исследовании национального, получившие распространение в западной науке в 1980-е гг., не были ещё широко доступны белорусским историкам в начале 1990-х.

Тем не менее новая история, по сравнению с советским вариантом и с историей, изложенной в учебниках второго и третьего периодов, имеет определённые преимущества. Прежде всего, это отсутствие реакционности, открытость плюрализму мнений, стремление воспитать у новых поколений школьников любовь к истории и гордость за свой народ, попытка найти своё место среди народов и поколений.

Второй период, выделенный нами, может быть охарактеризован, по удачному выражению А. Казакевича, через доминирование «революционной» панславистской/русистской идеологии с элементами советской реставрации» [41]. Этот период представляется нам наиболее реакционным, знаменующим категорический переворот по отношению к преподаваемому ранее историческому прошлому. Для него характерно полное отсутствие намерения сформировать национальную идею, будь то в этническом или гражданском её варианте. Складывается впечатление, что основная цель учебников этого периода – отрицание ценности белорусской истории, её стандартизация и релятивизация.

Материал учебников этого периода излагается сложно и фактологически насыщенно. Можно предположить, что он будет труден для восприятия школьников, несмотря на наличие иллюстраций. Авторы не стремятся представить интересные и запоминающиеся факты из белорусской истории, зато решительно настроены на развенчание любых её героических мифов. К тому же отдельный учебник мог не обладать концептуальной однородностью, к примеру, белорусы определяются в нём как славяне, затем как западно-русские и в конце концов как русские.

Тем не менее, следует отметить, что, несмотря на устойчивую тенденцию перехода к новой интерпретации истории, по-прежнему имеет место перспектива, выстроенная в первый период. Так, наряду с учебником под авторством Э. Загоруйского для VI класса, в VII классе история изучается по учебнику П. Лойки, а в VIII – М. Бича. Эти авторы представляют различные трактовки истории. И если история в изложении П. Лойко и М. Бича (котырый являлся автором одного из учебников 1993 года) являет собой, пусть и с некоторыми уступками политическому режиму, вариант национальной истории, то история Э. Загоруйского – одна из таких радикально вненациональных историй, которые характерны для данного периода. Можно с большой долей уверенности предположить, что все эти варианты историй изучались одной и той же генерацией школьников в разных классах. Что не могло не повлечь за собой проблемы в понимании исторического прошлого, а значит, и проблемы с культурной и исторической идентификацией.

Третий период, связанный с созданием идеологии белорусского государства, характеризуется частичным возвратом к «забытым» в период 1998–2001 гг. темам и реабилитацией досоветской, более независимой от российской, истории Беларуси. Как отмечает политолог А. Казакевич: «Центральное место в новой попытке построить идеологическую доктрину заняли всё-таки проблемы “государственного” и “белорусского”: “белорусская модель развития”, “белорусская политическая система”, “белорусский путь”, “белорусский опыт построения государственности” и др.» [41]. Эта тенденция прослеживается и в учебной литературе. Очевидной становится попытка авторов учебников аккумулировать досоветские события белорусской истории, утвердить древность белорусской нации, отыскать более глубокие корни белорусской государственности. Истоки последней, как правило, относят либо к Полоцкому княжеству, которое позиционируется как автономное сообщество в составе Киевской Руси, либо к Великому Княжеству Литовскому. Так, заметной становится тенденция выделения Полоцкого княжества из других княжеств восточно-славянских земель IX–XIII вв. Оно наделяется такими характеристиками, как независимость (прежде всего от Киева, который репрезентирует собой Великого брата) и могущество. Такая тенденция не прослеживается в учебной литературе второго периода. Скорее наоборот: Полоцкое и Туровское княжества не предстают перед нами самостоятельными политическими единицами, а их князья – это всегда вассалы киевского князя.

Ещё одно нововведение – издание учебных пособий по истории Беларуси на русском языке для школ с русским языком обучения. Что свидетельствует об инструментальности поворота к белорусской истории. Можно предположить, что риторика реабилитации истории в этот период является не чем иным, как средством для достижения определённых политических целей, но не целью понимания белорусской истории как ценности самой по себе. Важно отметить, что в большинстве своём учебная литература, начиная со второго периода, писалась по-русски с переводом на белорусский язык. В таком случае переход к изучению истории Беларуси на русском языке выглядит закономерным продолжением этой тенденции.

В то же время большинство учебников этого поколения, начиная с 2002 г., хорошо оформлены и преподносят материал простым и достаточно содержательным языком с изложением интересных и занимательных фактов, что выгодно отличает указанные учебники от предыдущих серий. Это же касается и количества учебного материала. Так, первые учебники по истории Беларуси содержали более 300 страниц, в то время как в учебниках 2009 года материал излагался примерно на 150–160 страницах. Это позволяет предположить, что формирование исторической памяти в этот период становится более осознанным и целенаправленным, что, безусловно, связано с построением идеологии белорусского государства. И в то же время такое преподнесение исторического прошлого, снабжённое большим количеством иллюстраций, очевидно находит отклик в сердцах и умах юных белорусов. И здесь уже история реализует функцию борьбы за формирование нового индивида, который встраивался бы в очерченные государственной системой рамки.

Между тем попытки белорусских историков от власти ответить на призыв усилить идеологизацию общества оказываются непостоянными и даже несколько хаотичными. (Как, впрочем, неопределён и сам вызов власти. А. Казакевич характеризует идеологию белорусского государства как «по сути своей очень фрагментарный и до сегодняшнего времени неcodифицированный корпус» [41].) В подтверждение этой идеи можно привести учебное пособие для X классов общеобразовательных учреждений «История Беларуси с древнейших времён до октября 1917 года», изданное в 2008 г., автором которого является могилёвский историк Я. Трещенок. Данный учебник является своего рода антитрендом третьего периода, поскольку не вписывается в общий отказ от западно-русской/советской идеологии. Напротив, эти тенденции присутствуют здесь в гипертрофированной форме.

Во-первых, учебное пособие написано на русском языке и впоследствии переведено на белорусский язык для белорусских школ. Во-вторых, материал данного учебника центрируется вокруг идеи освободительной и просветительской миссии России в истории Беларуси, начиная, что подчёркивается, с VIII–IX вв.: «Однако, несмотря ни на что, пронесённая через столетия тяга белорусского и украинского народов к России – неоспоримый исторический факт, который имел для их историй большое прогрессивное значение» [34, с. 28]. Помимо этого, ретранслируется определённая социальная картина, а именно: белорусами признаются исключительно представители более бедных слоёв, и в первую очередь крестьянства, которые постоянно угнетались польской и литовской аристократией, а Россия выступала в роли их спасительницы и защитницы. Слабость национального движения в Беларуси обосновывается автором наличием этнической близости русских и белорусов [34, с. 11].

Существование Киевской Руси как единого централизованного государства, объединённого единой православной религией, и единой древнерусской народности описывается как неоспоримый исторический факт. Независимость Полоцкого княжества признаётся историографическим мифом, равно как и история про Рогнеду и её сопротивление киевскому князю Владимиру. В дальнейшем ярлык «историографического мифа» или легенды навешивается почти на все важнейшие для коллективной памяти белорусов фигуры и события – Всеслава Чародея, ВКЛ, К. Острожского и битву под Оршей 15 июля 1514 г., Грюнвальдскую битву (которая называется Грюнвальдским разгромом), К. Калиновского и восстание 1863–64 гг., белорусское национальное движение и провозглашение БНР. При этом автор ничего не предлагает взамен, кроме разве что идеи «триединства» русского народа и православия как единственно верной для белорусов религии. ВКЛ – это литовское государство, литовские же князья подчинили себе белорусские земли: «Это было государство литовских феодалов, которое первоначально допускало на правах неполноправной федерации элементы белорусской государственности» [34, с. 55]. «Дальнейшая его история – это история возрастающей национальной дискриминации, католической экспансии и ренегатства социальных верхов Беларуси» (там же).

Допускается неоднозначная унификация терминологии: к примеру, слова *русский* и *православный* выступают синонимами. Этническое самосознание белорусов определяется как производная часть от более широкого патерналистского самосознания русской культуры: «осознание восточнославянского, общерусского единства, которое опиралось, прежде всего, на единство конфессиональное, сочеталось с пониманием местной самобытности» [34, с. 94] – в этом проявляется её двойственность, которая одновременно выступает особенностью.

В данном контексте нам представляется уместным рассматривать вышеупомянутое пособие по истории Беларуси в рамках концепции интерпелляции французского философа Луи Альтюссера. Собственно, понятие интерпелляции позволяет раскрыть техники, посредством которых властный дискурс предопределяет деятельность субъекта. Власть, транслируя определённые идеологические ценности, конституирует субъекта этих ценностей, при этом официально не указывая, как следует формировать содержание учебных пособий. Субъект откликается на этот неявный призыв, рекодифицируя его самостоятельно, но с оглядкой на всегда анонимную фигуру власти, к примеру на рецензирующий совет либо министерство образования.

Для удобства сравнения описанных выше периодов составлена таблица (см. **Таблица 1**), в которой приводятся ключевые исторические события и соответствующие краткие описания, типичные для учебной литературы каждого периода. При составлении сравнительной таблицы использовался материал из нескольких, наиболее распространённых для каждого периода учебных пособий. Таблица представляет собой компаративный анализ ключевых событий белорусской

истории, изучаемой в средней школе. Первый столбец указывает на историческое событие, в трёх следующих столбцах рассматриваются его интерпретации в учебной литературе каждого из исследуемых периодов. Таблица составлена таким образом, чтобы акцентировать внимание на принципиальных расхождениях в трактовке белорусской истории.

Таблица 1. Сравнительный анализ ключевых исторических событий

Историческое событие, дата	Интерпретация исторического события		
	Первый период: 1993–1995 гг.	Второй период: 1996–2001 гг.	Третий период: 2002–2010 гг.
Происхождение белорусов	<p>Мирное сосуществование славян и балтов на территории современной Беларуси в V–VIII вв. Объединения восточных славян (в частности, племена радимичей, дреговичей, кривичей) рассматриваются как прямые предки белорусов. Отсутствует отсылка к Киевской, или Древней, Руси. Белорусы, украинцы, русские – восточные славяне, и в этом их родственность. Подчёркивается, что происхождение названия «Русь» не установлено, однако точно известно, что с X по XII–XIII вв. название «Русь» распространялось на земли, занимаемые современной Беларусью.</p>	<p>Излагается концепция происхождения славян как этнически однородной общности («древнерусская народность» [42, с. 80]), иногда разделённой на союзы племён и затем княжества. Только к XIII ст. начинают проявляться незначительные внутренние различия, приведшие в последствии к разделению восточных славян на русских, белорусов, украинцев.</p>	<p>Народность приходит на смену племенному укладу в эпоху Средневековья. В Киевской Руси – древнерусская народность, из которой начали складываться три братские народности: белорусская, русская (великорусская), украинская. Формирование народностей закончилось в период ВКЛ.</p>
Создание Киевской Руси: 882 год	<p>Древние княжества на территории Беларуси описываются как автономные объединения. Существование Киевской (Древней) Руси как общего государства русских, белорусов, украинцев не признаётся.</p>	<p>В истории Беларуси века с IX по XIII относятся к «древнерусскому» периоду. Славяне осваивали новые земли и включались в единое политическое образование – Киевскую Русь: «Главным событием, которое произошло</p>	<p>Общее государство Восточных славян. Великая держава Древняя Русь</p>

		<p>в истории Беларуси в IX–X ст., было освоение всей её территории славянами и включение в новое государственное образование – Киевская Русь» [19, с. 24]. Позднее, вплоть до XIII в., белорусские земли называются «западно-русскими» и идентифицируются с Русью.</p>	
<p>Полоцкое княжество. История Рогволода, Рогнеды и Владимира: X–XIII вв.</p>	<p>«Полоцкое княжество – первое государство на территории Беларуси» [14, с. 105]. Наделяется такими эпитетами, как «самое древнее», «самое могущественное на территории Беларуси». Крупный центр восточных славян. Киевские князья неоднократно пытались подчинить белорусские земли, но безуспешно. История между Рогволодом, Рогнедой и Владимиром описывается как драматическая. В учебнике этого периода много внимания уделяется достижениям культуры. Так, один из разделов называется: «Крест Евфросинии Полоцкой – шедевр древнего искусства»¹ [14, с. 187].</p>	<p>Утверждается, что ни Полоцкое, ни Туровское княжества не были самостоятельными, равно как и Рогволод и Тур являлись всего лишь «послушными ставленниками» Рюриковичей. Много места уделяется рассмотрению других славянских княжеств, например Киевского княжества. «История о Рогнеде» упоминается вскользь, на фоне борьбы за власть между Владимиром и Ярополком. Не упоминается факт покушения Рогнеды на жизнь Владимира. Говорится лишь, что Владимир направлял своих сыновей княжить в разные земли Руси. И однажды направил таким образом и Рогнеду с малолетним Изяславом.</p>	<p>Подчёркивается независимость Полоцкого княжества, а также то, что оно было одним из крупнейших в Восточной Европе того периода, но, тем не менее, в составе Киевской Руси. Выделяется особый (независимый) статус полоцких князей. Подробно раскрывается история Рогнеды, которая преподносится как историческая правда. Пафос истории – умеренно героический; фигуры Рогволода, Рогнеды и, особенно, Изяслава преподносятся как положительные. Последний характеризуется как образованный и способствовавший распространению письменности князь. В учебнике содержатся</p>

¹ В то время как в учебнике 2003 года для V класса этот раздел уже звучит как «Крест Евфросинии» и является материалом, необязательным для прочтения.

		<p>Примечательна характеристика Изяслава: старший сын Владимира, прожил около 25 лет и «ничем не прославился» [42, с. 27].</p> <p>После смерти Всеслава Чародея, который был одним из самых известных полоцких князей, история Полоцкого княжества представляется как череда войн и борьбы за власть. В культурном плане также подчёркиваются причастность к древнерусской народности и наличие древнерусской культуры.</p>	<p>иллюстрации с изображениями Рогволода, Рогнеды и Изяслава [12].</p>
<p>Принятие христианства на белорусских землях: 988 г.</p>	<p>Отмечается, что в X в. существовало две церкви – восточная и западная, которые по существу не различались между собой. Делается предположение, что, ещё до принятия христианства Владимиром, полоцкие князья «с сочувствием относились к новой религии» [14, с. 178]. Изяслав и Рогнеда были набожными, Рогнеда – монашкой, а Изяслав – «набожный и образованный, читал христианские книги» [14, с. 179]. Речь идёт скорее о христианстве, чем о православии. Принятие христианства –</p>	<p>Факт принятия христианства описывается одним предложением: «В 988 г. при князе Владимире Русь приняла христианство и вошла в число крупнейших христианских государств» [19, с. 23]. Затем в разделе, посвящённом культуре, упоминается, что введение христианства сыграло важную роль в культурной жизни Руси.</p>	<p>Преподносится как созревшая необходимость в знаниях, письменности, обусловленная появлением первых государств, развитием земледелия, торговли, ремесла. В первую очередь с христианством связывается распространение культуры на белорусских землях. О процессе принятия христианства – скудная информация, преподносимая нейтральным языком: «В 988 г. Великий князь киевский Владимир Святославович заставил киевлян</p>

² Чего нет в последующих учебниках. Также не упоминаются трудности, сопутствовавшие принятию христианства на белорусских землях.

	<p>безусловно позитивное событие, повлиявшее на развитие духовности белорусского народа, культуры, письменности, архитектуры. Присутствует раздел² «Сложности распространения новой веры и двуверье» [14, с. 181–182], в котором подчёркивается важность языческих верований для традиционной культуры, сложность их искоренения и стремление Церкви подчинить языческие праздники своему календарю. «Пережитки язычества сохранялись в некоторых местах Беларуси многие столетия после принятия христианства» [14, с. 181].</p>		<p>креститься, это значит, принять христианскую религию» [11, с. 80]. В Беларуси первые христиане – Рогнеда и Изяслав, последний характеризуется как набожный и образованный князь, «книжник». В целом, принятие христианства на белорусских землях преподносится в позитивной форме. Результаты принятия христианства: возвышение человека над природой, обретение веры в вечную жизнь, установление добрых отношений между людьми, развитие письменности и образования, архитектуры.</p>
<p>Белорусские земли в составе ВКЛ. Кревская уния (1385 г.)</p>	<p>ВКЛ – белорусско-литовское государство. Объединение в ВКЛ явилось добровольным для белорусов и литовцев. Причина объединения – необходимость борьбы с внешней опасностью. Во времена Гедымина три четверти населения ВКЛ являлись <i>белорусами</i>³. Большое значение придаётся Кревской унии и крещению в католичество литовцев: «В одном</p>	<p>Причина объединения Литвы и белорусских земель в одно государства – внешняя угроза со стороны крестоносцев. Литва стремилась увеличить своё могущество за счёт подчинения славянских земель. Многие «западно-русские» княжества присоединялись силой. Остальные были вынуждены включиться в «литовское государство». Этот</p>	<p>Образование белорусско-литовского государства как сложный путь объединения, обусловленный внешней угрозой со стороны крестоносцев и Золотой орды. Литовские князья постоянно ввязываются в междоусобные войны и борьбу за власть. Подчёркивается добровольное – на основании договора – вступление</p>

³ В этом проявляется характерная для учебной литературы этого периода историцистская установка: отождествление этнического сообщества с более поздним образованием – нацией.

⁴ Употребляются как синонимы! Что это? Отголоски советской историографии? Антитренд?

	<p>государстве вместе с православными белорусами, украинцами, русскими появились католики – литовцы» [14, с. 203]. «Но белорусское и украинское население в большинстве сохраняло православную веру и национальную культуру⁴» [14, с. 203].</p> <p>В учебнике 1993 г. существует раздел «Принятие общегосударственного герба ПАГОНЯ» (с. 199–200), в котором обосновывается древняя история герба «Пагоня».</p>	<p>процесс был выгодным и прогрессивным прежде всего для Литвы, которая находилась на низшей ступени развития по отношению к восточно-славянским землям. Литовские князья захватили власть и земли, которыми свободно распоряжались. Несмотря на то что славянское (белорусское) население значительно преобладало и русский (белорусский) язык был государственным, ВКЛ никогда не являлось белорусским государством.</p> <p>В параграфе, посвящённом отношениям ВКЛ с Московским княжеством, утверждается, что Москва считала себя преемницей Руси, что «не нравилось литовским князьям, и они пытались всячески этому помешать» [19, с. 103]. То есть именно литовские князья предстают здесь как агрессоры. Причина заключения Кревской унии – исключительно реализация амбиций</p>	<p>Полоцкого княжества в ВКЛ. «Примерно три четверти населения этого государства были “руськими” людьми, как тогда называли белорусов» [11, с. 123]. «Польское королевство и ВКЛ стремились к унии, но большую необходимость в ней имела польская сторона» [11, с. 131]. Кревская уния привела к строительству костёлов на белорусских землях и насаждению католической веры. Простой народ сохранил православную веру, белорусский язык, национальную культуру.⁵</p> <p>Подчёркивается мультинациональный характер ВКЛ: «В одном государстве рядом с православными белорусами, украинцами и русскими появились католики-литовцы, католики-белорусы и католики-поляки». Акцентируется поддержка католичества после Кревской унии. Роль белорусского языка как государственного в ВКЛ упоминается в связи с информацией об</p>
--	--	---	--

⁵ Православие представляется как национальная религия, а католичество противопоставляется национальному.

⁶ Эссенциалистская установка по отношению к входящим в состав ВКЛ этническим группам, которые уже тогда якобы были поделены на белорусов, русских, украинцев.

		<p>Ягайло по захвату территорий и власти. Среди положительных результатов Кревской унии – возможность противостоять угрозе крестоносцев. Среди негативных – насаждение католической веры исконно православному населению белорусских земель.</p>	<p>издании Судебника Казимира (1468), также отмечается, что ещё со времен Ольгерда (1345–1377) белорусский язык являлся государственным. Школьникам предлагается подумать, почему. Вера имеет определяющее значение в духовной культуре. «Абсолютное большинство восточно-славянского населения (белорусы, украинцы, русские) ВКЛ составляли православные верующие».⁶ Государственная поддержка католицизма и невнимание к православному населению, что, по мнению авторов учебника, ослабляло ВКЛ и имело для него негативные последствия.</p>
<p>Борьба с крестоносцами. Грюнвальдская битва (1203–1410 гг.)</p>	<p>Крестоносцы скрывали свои захватнические намерения под видом распространения католической веры среди населения. Полоцкие земли постоянно и довольно успешно боролись с крестоносцами. Приводятся примеры героической борьбы: Давыд Гарадзенскі – «славуты», Якаў Палачанін – «адважны воін». Огромное значение победы в</p>	<p>Крестоносцы – главная опасность для земель ВКЛ. Но до Грюнвальдской битвы борьба с крестоносцами шла с переменным успехом. Победа в Грюнвальдской битве характеризуется как «одно из важнейших событий истории Литвы, Польши и тех славянских народов, которым угрожала немецкая агрессия». Беларусь</p>	<p>Настоящей целью крестовых походов объявляется захват добычи. Деятельность крестоносцев не способствовала распространению христианской (католической) веры. Победа в Грюнвальдской битве представляется во многом как заслуга Витовта, конец агрессии крестоносцев и</p>

	<p>Грюнвальдской битве: остановлена агрессия⁷ Тевтонского ордена на Восток, польские земли и ВКЛ получили возможность для экономического развития. Это совместная победа поляков, литовцев, белорусов, украинцев, русских, чехов. Остаётся незамеченной «исключительная заслуга Витовта», который упоминается вскользь, как и Ягайло.</p>	<p>здесь не упоминается. Победа в битве означала, прежде всего, избавление «прибалтийских народов» от угрозы захвата крестоносцами.</p>	<p>событие, способствовавшее укреплению авторитета ВКЛ и Польского королевства.</p>
<p>Белорусские земли в составе Речи Посполитой. Люблинская уния (1 июля 1569 г.). Роль унияства</p>	<p>Люблинская уния рассматривается как вынужденный со стороны ВКЛ, и, соответственно, входивших в его состав белорусских земель, шаг в связи с наличием угрозы со стороны Московского княжества. Оценивается неоднозначно: с одной стороны, негативно, поскольку это ограничивало свободу ВКЛ и позволяло полякам претендовать на белорусские земли. Но, с другой стороны, ВКЛ не прекратило своего существования, объединившись в федерацию с Польшей как равноценное ей государство. Несмотря на попытки польской шляхты ограничить полномочия ВКЛ, последнее постоянно пыталось отстаивать свою независимость. В качестве</p>	<p>Заключение Люблинской унии – результат сложной ситуации, в которой находилось ВКЛ в ходе Ливонской войны. Утверждается, что взятие Полоцка войсками Ивана Грозного привело литовских феодалов к необходимости сблизиться с Польшей. Упоминается, что ВКЛ сохранило определённую автономию, однако польские феодалы получили разрешение приобретать земельные владения на территории княжества. Этот факт оценивается негативно, поскольку в итоге подобная политика привела к полонизации края.</p>	<p>Среди причин заключения Люблинской унии – желание шляхты ВКЛ иметь такие же вольности и права, как и польская аристократия. Вторая причина – катастрофическое положение ВКЛ во время Ливонской войны. Объединение не было союзом равных держав, Польша находилась в лучшем политико-экономическом положении. Тем не менее, в результате заключения унии Польша не поглотила ВКЛ, которое оставалось отдельной политической и экономической единицей. Упомянутое стремление шляхты к «золотым вольностям», по сути, привело к её ополячиванию. Отмечено также</p>

⁷ В учебной литературе слово *агрессия* употребляется достаточно редко, как правило, в связи с *агрессией* фашистской Германии. Возможно, авторы пытаются провести здесь определённые параллели.

	<p>подтверждения приводится принятие статута 1588, который оценивается как «самое значимое достижение в борьбе за государственную независимость» [19, с. 54]. Этому документу, как и его редактору и составителю Л. Сапеге, придаётся большое и, несомненно, позитивное значение в белорусской истории. Подчёркиваются факт издания Статута на старобелорусском языке и государственный статус этого языка в ВКЛ. Одно из негативных последствий объединения – постепенная и возрастающая полонизация белорусской шляхты. Берестейская уния (1596) отвечала намерениям как католиков, так и православных. Общество того времени было подготовлено к её принятию. Тем не менее, униатство насаждалось насильственными методами. Кроме того, в униатских церквях начали использовать польский язык, что вызвало усиление антиуниатских настроений в обществе. Антиуниатские волнения 1623 г. привели к корректировке мер по принятию униатства, что способствовало</p>		<p>нежелание подчиняться централизованной власти и признавать разделы Речи Посполитой. Православие характеризуется как первая и основная религия в белорусских землях до принятия Берестейской унии. Утверждается, что уния принималась исходя из утилитарных соображений как со стороны духовенства, так и со стороны правящих кругов Речи Посполитой. В то же время в принятии униатства признаются и положительные моменты, в частности, его доступность для крестьянского населения, а также возможность сохранить культурные традиции восточных славян, в противовес полонизации, связанной с католичеством.</p>
--	--	--	---

	более широкому его распространению на белорусских землях.		
Белорусские земли в составе Российской империи. Восстание Кастуся Калиновского	<p>Включение белорусских земель в состав Российской империи оценивается негативно. Восстание 1863 года⁸ на белорусских землях описывается как одно из важнейших событий в белорусской истории, изложению событий восстания отводится более десяти страниц учебника. Причина провала – изначальное несовпадение интересов Варшавского и Литовского, во главе с Калиновским, центров. Последний ратовал за социальную справедливость и независимость Литвы и Беларуси. Провал восстания – вина Варшавского комитета. Подчёркивается, что восстание явилось трагическим событием для Беларуси. Подробно перечисляются негативные последствия восстания, но отмечается, что белорусские крестьяне получили уступки от царского правительства, несколько улучшившие их положение. В целом же: «После подавления восстания в истории Беларуси началась мрачная</p>	<p>Сам факт вхождения белорусских земель в Российскую империю никак не оценивается. Но отмечается, что по сравнению с Речью Посполитой, в которой царила «политическая анархия» [36, с. 15], Российская империя проводила вполне прогрессивную и лояльную по отношению к вошедшим в её состав белорусским землям политику. Изменение этой политики в худшую сторону произошло по причине реакционной позиции ополяченной шляхты и католического духовенства, а также вследствие восстания Т. Костюшко (1794). Подчёркивается веротерпимость царского правительства по отношению к представителям католической и униатской веры. В целом, даже период, связанный с ужесточением политики царского правительства, не подвергается критике на страницах учебника. Скорее наоборот: такие меры, как «разбор</p>	<p>В целом ситуация присоединения территории Беларуси к Российской империи рассматривается без жёстко негативных коннотаций. Иногда, как в случае с культурной ситуацией, отмечается антибелорусская политика царской власти, непризнание самостоятельного статуса белорусского языка и культуры, что тут же скрашивается фактом появления нового научного направления – белорусистики. В конфессиональном плане присутствует пафос возвращения белорусских крестьян к истинной православной вере: «Верующие униатской церкви в Беларуси постепенно присоединялись к Русской православной церкви» [13, с. 7], что подразумевает добровольный переход. О восстании 1830–1831 гг. говорится исключительно как о польском и шляхетском; акцентируется тяжёлое положение крестьян. В отличие от учебника Штыхова, например, для VI класса (2009 г.), здесь нет</p>

⁸ Примечательно, что и восстание 1830–1831 гг. не представляется, как исключительно польское, но и белорусское в том числе, в отличие от последующих интерпретаций.

	<p>полоса реакции и тотальной русификации» [25, с. 148].</p>	<p>шляхты», русификация и присоединение униатской церкви к православной, считаются вполне оправданными. Восстание 1863–1864 гг. характеризуется как результат волнений «польского патриотического движения», которое включало в основном представителей шляхетского сословия и преследовало различные цели. Что и привело к поражению восстания, как, впрочем, и его неподготовленность. Подчёркивается, что хотя некоторые деятели восстания, такие, например, как К. Калиновский, делали ставку на крестьян, их надежды не оправдались – крестьяне восстания не поддержали по понятным причинам: для крестьян оказались чуждыми лозунги польской шляхты. Отмечается быстрое подавление восстания российскими войсками. Примечательной является и характеристика М. Муравьёва: «Это был энергичный</p>	<p>героического пафоса, восхищения достижениями белорусской культуры в рассматриваемый период, есть только сухое изложение фактов.⁹ Не отмечено стремления сформировать героический эпос; Мицкевич, например, однозначно признаётся поляком. Восстание 1863–64 гг. описывается как польское, хотя есть попытки увидеть в нём трагическое событие. Причина поражения – в несогласованности действий руководителей восстания, отсутствии поддержки со стороны крестьян. Событие преподносится как набор фактов, без какой-либо оценки.¹⁰ Но в конце всё же признаётся, что «дело восстания не прошло бесследно: оно будило к борьбе за свободу и независимость следующие поколения» [13, с. 89]. Отмечается, что восстание носило национально-освободительный характер: «Его основной целью было национально-</p>
--	--	---	---

⁹ Что свидетельствует о несогласованности и отсутствии определенной концепции преподавания истории.

¹⁰ Нежелание авторов учебной литературы давать оценку тому или иному событию может быть связано и с боязнью не угадать актуальное содержание властного дискурса, которое, как отмечалось, весьма изменчиво.

		государственный деятель, который со знанием дела делал то, к чему был призван» [36, с. 59]. Далее следует перечисление всего того, что было успешно им осуществлено во время руководства Виленским краем.	освободительное возрождение Речи Посполитой в границах 1772 года» [32, с. 74]. Но оно также, можно сказать, в противовес своим целям привело к определённым улучшениям жизни крестьян, смягчению крестьянской реформы, которую вынуждены были проводить российские власти.
Провозглашение БНР, 25 марта 1918 г.	Провозглашение БНР описывается как сложный, но позитивный факт, значительно повлиявший на рост национального самосознания. «Создание БНР являлось закономерным результатом белорусского национального движения» [27, с. 20]. Акцентируется внимание на преемственности БНР и современной авторам (1993 г.) Республики Беларусь. Признаётся, что БНР не смогла стать сильным политическим образованием, но в то же время Рада БНР успешно занималась культурной, просвещенческой и экономической деятельностью. Подчёркивается, что именно провозглашение БНР явилось причиной обретения белорусами собственного государства в рамках СССР, пусть и ограниченного в	Отмечается, что национальные партии не имели поддержки у населения. Проводится связь между немецкой оккупацией территории Беларуси и провозглашением БНР. Рада БНР не имела никакой внешней поддержки, а также скомпрометировала себя сотрудничеством с немцами и отправкой телеграммы германскому кайзеру Вильгельму. Затем последовало сотрудничество с режимом Пилсудского. С наступлением советских войск Рада БНР покинула Минск.	БНР являлась только «зародышем» государства, но не самим государством, и не получила поддержки большинства населения. Тем более что, как подчёркивается, деятели БНР рассчитывали на признание со стороны Германии, что не могло найти поддержки у белорусского народа, который считал «немецкий оккупационный режим» враждебным [22, с. 32]. Тем не менее, в связи с провозглашением БНР упоминаются и некоторые позитивные факты, в частности, издание учебников, открытие белорусских школ, Педагогического института, Белорусской торговой палаты.

<p>Создание БССР, 1918–1920 гг.</p>	<p>своих полномочиях.</p> <p>В целом, захват власти большевиками признаётся незаконным, как и вхождение белорусских земель в состав СССР. Октябрьская революция называется «Октябрьским переворотом». Демонстрируется, что за провозглашением БССР стоят только прагматические – политические и экономические – цели большевиков, но не стремление воплотить волю белорусского народа. Подчёркивается, что для народа идеология коммунизма, как и методы его построения, были чуждыми: «За пользование помещичьей землёй крестьяне должны были отдавать четверть урожая. Этим объясняется то, что большевики не имели сколько-нибудь значительной поддержки среди белорусского населения» [27, с. 27].</p>	<p>Такие факты, как раздел территории Беларуси, которая во время провозглашения БССР состояла из Минской и Гродненской губерний, а также объединение БССР с Литовской ССР через 17 дней после провозглашения, оправдываются и преподносятся как закономерные. Несмотря на декларацию второго провозглашения БССР, согласно которому «Советская Социалистическая Республика Беларусь обновляется как суверенная, независимая республика в этнических границах проживания белорусов» [36, с. 108].</p>	<p>Для руководства СССР создание БССР во многом вынужденный шаг, реакция на провозглашение БНР. БССР – «белорусское государство на советской основе» [22, с. 35]. Создание БССР – инициатива Ленина, который «признавал за белорусским народом право на национальное самоопределение и самостоятельное государственное управление» [22, с. 35]. Важное событие в процессе создания белорусской государственности [22, с. 47]. «Сегодняшняя Республика Беларусь считается преемницей созданной в 1919 г. Социалистической Советской Республики Беларуси» [22, с. 195].</p>
<p>Участие Беларуси во Второй мировой войне</p>	<p>Этой теме уделяется много внимания, она остаётся центральной и во все другие периоды. Складывается впечатление, что основной материал по этой теме: хронология событий, описание борьбы белорусского народа, перечисление подвигов – остался неизменным со времён советских учебников. В</p>	<p>В описании этого периода присутствует пафос не только героический, но и обвинительный. Однозначна дихотомия героя (советской армии, которая освободила белорусский народ) и злодея (фашистской Германии, которая беспощадно уничтожала</p>	<p>Описание событий Второй мировой войны, или Великой отечественной войны для Беларуси, пронизано героическим и освободительным пафосом. Немецкие солдаты – захватчики, наделённые отрицательными моральными качествами. Большая часть</p>

	<p>малоизмененном виде этот материал затем попадает и в более поздние учебные пособия. Новое и важное для этого периода – упоминание негативной роли Сталина. Демонстрируется его вина в затяжном характере войны и в репрессиях против офицерского состава советской армии. Тем не менее, в описании событий этого периода преобладает героическая, победная риторика по сравнению с риторикой жертв и трагизма</p>	<p>белорусский народ). Вина за развязывание войны полностью лежит на Германии. Тем не менее, упоминается вина Сталина и советского руководства в затяжном характере войны, одновременно восхваляется способность мобилизовать народ и интенсифицировать военное производство. Наряду с пафосом «Великой Победы» придаётся большее значение пафосу страдания, что не характерно для учебной литературы двух других периодов. Акцентируется победа в ВОВ всего советского народа, а не только тех, кто воевал.</p>	<p>материалов о ВОВ посвящена описанию борьбы (38 страниц из 45). В описании войны победительная риторика явно преобладает над трагической. В качестве итога войны приводится материал с описанием подвигов, которые совершили во время войны уроженцы Беларуси.</p>
<p>Распад СССР. Провозглашение независимости</p>	<p>1980-е гг. – кризис социалистической системы. Распад СССР оценивается позитивно: «Вторая половина 1980-х – начало 90-х гг. в истории политической жизни отмечались постепенным разрушением тоталитарных оков и переходом к цивилизованному, демократическим принципам» [27, с. 287]. Отмечается, что путь Беларуси к демократизации и независимости был сложным и противоречивым. Многие надеялись на то, что старую</p>	<p>Распад СССР – результат перестройки и несогласованности позиций руководства партии в отношении методов и результатов проведения реформ. Денонсация договора о создании СССР как результат политического кризиса, вопреки воле народа, создание «на его руинах» «аморфного, нежизнеспособного Содружества независимых государств» [36, с. 183].</p>	<p>Параграф, посвящённый перестройке – периоду, предшествовавшему объявлению независимости Республики Беларусь, начинается с утверждения, что имело место негативное событие – в экономике, политике и социальной сфере [32, с. 189]. Отмечается, что, среди прочего, распад СССР – дело рук оппозиции, которая активно поддерживалась с Запада [32, с. 194].</p>

	<p>социалистическую систему можно реформировать и сделать более демократичной и гуманной. В противовес результатам референдума приводится факт мощного подъёма рабочего движения – «за демократию и справедливость, за улучшение жизни, за волю и свободу Родины, за полное избавление от руководства партии» [27, с. 297]. Декларация о государственном суверенитете 27 июля 1990 означала, что Беларусь выбрала собственный путь развития, хотя не исключалась возможность объединения с другими республиками в рамках нового союза. В анализе культурной сферы авторы явно критичны по отношению к советской эпохе, в рамках анализа политической сферы – более осторожны. Тем не менее, провозглашение Республики Беларусь и построение демократического государства оцениваются как закономерное, необходимое и однозначно позитивное явление.</p>	<p>Провозглашение независимости Беларуси описывается кратко и безоценочно. Больше внимания уделяется выборам первого президента РБ и последовавшим изменениям в жизни республики, что оценивается в положительном ключе.</p>	<p>Между тем население Беларуси ратовало за сохранение СССР, что подтверждается результатами референдума 17 марта 1991 г. Объявление Декларации о государственном суверенитете 27 июля 1990 г., принятие закона «О названии Белорусской ССР», согласно которому государство получило название «Республика Беларусь», от 19 сентября 1991 г. упоминаются без каких-либо позитивных коннотаций. Кроме того, факт денонсации договора 1922 г. о создании СССР преподносится как противный воле народа и повлекший за собой уничтожение «великого и могучего государства» [32, с. 195].</p>
--	---	--	---

Выводы к таблице 1. Анализ приведённых в таблице материалов показывает, что существуют значительные расхождения в интерпретации и даже противоположные оценки одного и того же исторического события. Исключением здесь является лишь Вторая мировая война (или Великая отечественная война), которая представляется одним из наиболее значимых событий в белорусской истории. В учебной литературе

всех трёх периодов это событие описывается очень подробно. Акцентируется именно героический пафос в борьбе белорусского народа с немецко-фашистскими захватчиками и победе над ними. Негативные последствия войны, как правило, не рассматриваются или затушевываются.

В литературе 1993–1994 гг. крайне негативно представлена фигура И. Сталина, говорится о вине Сталина и его окружения в разжигании войны и огромном количестве жертв. В учебниках второго периода лишь указывается на то, что затяжной характер войны явился результатом ошибки Сталина. Начиная с этого периода критика сталинского режима постепенно элиминируется из учебной литературы или становится очень сдержанной. Среди негативных коннотаций следует отметить риторику страдания и жертвы, причиной которых выступают немецкие агрессоры. Особое внимание страданию уделяется в учебной литературе второго периода, в то время как в учебниках 2002–2009 гг. на передний план выходит именно идея победы. Причём победы не столько советской армии, сколько белорусского народа, который сначала являлся активным участником войны, а затем её победителем.

Вероятно, сплочённость белорусского народа во время войны и последующая победа как результат этой сплочённости должны служить непосредственным примером для современных белорусов. С одной стороны, их может сплотить идея общей победы (когда-то мы были едины, и нам просто нужно вернуться к прежнему состоянию), с другой стороны, эта идея может стать ориентиром для подражания, то есть объединится вместе, чтобы бороться с врагами – оппозицией, кризисом, Западом – и достичь победы. Победа рассматривается как цель, высшая ценность, к которой нужно стремиться любой ценой, не взирая ни на какие жертвы, но не как средство для достижения мирной жизни или благополучия граждан.

На наш взгляд, особый интерес для исследования представляют события, имеющие принципиальные расхождения в интерпретации в учебниках различных периодов. Такие события мы будем рассматривать как ключевые моменты коллективной памяти и, соответственно, наиболее значимые поля борьбы за идентичность. В рамках проводимого анализа мы выделили следующие места коллективной памяти: Полоцкое княжество, роль христианства, вхождение белорусских земель в состав Российской империи, восстание 1864 г., провозглашение БНР.

История Полоцкого княжества как первого государственного образования на белорусских землях представляется как важная для изучения в учебниках всех трёх периодов. Принципиальным моментом является факт независимости/вхождения Полоцкого княжества в состав Киевской Руси, признание/непризнание существования которой как централизованного государства является принципиальным моментом. В учебниках первого периода – врачевания – ре/конструирование национальной истории осуществляется в основном в рамках идеологии национализма и направляется стремлением связать современную нацию со всеми государственными образованиями, которые возникали на этих землях, тем самым утверждая её древность. В учебниках третьего периода риторика древности возвращается, но уже не с национальной, а с государственной точки зрения.

Принятие и распространение христианской религии на белорусских землях в целом характеризуется как положительный факт, в первую очередь способствовавший распространению письменности и культуры. Тем не менее первые учебники по истории Беларуси описывают данный факт более нейтрально, указывая на значимую составляющую языческих верований в белорусской культуре и отмечая определённые сложности распространения христианства на белорусских землях. Кроме того, отсутствует тенденция отдавать предпочтение какой-либо определённой религии, что определяет стремления к демократизации постсоветского общества.

В учебной литературе второго и третьего периодов сделан явный акцент на православии как исконной и способствовавшей сохранению национальной культуры белорусов религии. Факт принятия православия на белорусских землях рассматривается как данность, о сложностях в процессе принятия христианства не упоминается. В то время как католицизм и, в несколько меньшей, степени униатство рассматриваются как насаждённые и способствовавшие утрате национальных особенностей. Кроме того, православие объявляется народной религией, а католицизм – религией верхов, «ополяченной шляхты». Такую позицию можно объяснить политикой, направленной на сближение с Россией (второй период), стремлением подчеркнуть духовную близость двух народов и решающую роль православия. В литературе третьего периода установка на приоритет православия усиливается через его противопоставление католицизму как всему, что навязывается Западом и представляет собой гипотетическую угрозу инакомыслия.

Присоединение белорусских земель к Российской империи вследствие разделов Речи Посполитой – ещё одно значимое событие белорусской истории, отношение к которому формируется у школьников в зависимости от соответствующей политической конъюнктуры. Так, в период провозглашения независимости и построения собственного государства история с необходимостью должна быть краеугольным камнем, лежащим в основании права белорусского народа на самоопределение. Процесс самоопределения, в свою очередь, предполагает проведение границ, причём не только политических, но и культурных. Поэтому размежевание с ближайшим соседом, который к тому же не всегда хотел признавать права других на самоопределение, должно проводиться достаточно жёстко. Отсюда акцент на принудительном включении белорусских земель в состав Российской империи и их зависимом положении. Именно поэтому К. Калиновский, который одновременно выступал и против царизма, и за улучшение социального положения белорусского народа, к тому же ведя борьбу на белорусском языке, рассматривается как национальный герой.

Смена государственной власти и политических приоритетов кардинальным образом сказывается на восприятии XVIII–XIX вв. белорусской истории. Отметим, что прямого одобрения присоединения белорусских земель мы не найдём, однако, косвенным образом, это присоединение должно видеться школьниками как оправданное. В первую очередь, это касается возвращения белорусского народа в православную веру. Во-вторых, экономический и политический (абсолютная монархия в противовес царившей до этого шляхетской анархии) уклад Российской империи видится более правильным и прогрессивным. Кроме того, интересен пафос «снисходительной политики» российских императоров на белорусских землях, которая, должно быть, проводилась в силу духовного родства двух народов и была свёрнута ввиду национально-освободительной борьбы поляков.

Как польское национально-освободительное движение рассматривается и восстание К. Калиновского на белорусских землях. Представляется, что такая оценка исторических событий преследует две цели: (а) загладить культивируемый годами Возрождения негативный образ российского колониализма, оправдав тем самым экспансию Российской империи, и воссоздать позитивный образ братского народа; (б) отмежеваться от любых национально-освободительных движений в истории Беларуси, признав их чужеродными, а значит, не имеющими никакого отношения к белорусской истории, и тем самым заявить о несостоятельности предыдущего проекта *ВОЗРОЖДЕНИЯ*.

Примечательно также описание фигуры Виленского генерал-губернатора М. Муравьёва, который оценивается как жёсткий, но энергичный и знающий

управленец. Легко расправляясь с неугодными, он в то же время эффективно управлял Виленской губернией.¹¹

В современных учебниках по истории Беларуси роль Российской империи в судьбе белорусских земель уже не оценивается столь однозначно. Несмотря на отсутствие жёсткой критики, признаётся, например, факт культурной колонизации. Тем не менее, оценка остаётся скорее нейтральной, чем приобретает негативные коннотации. Восстание Калиновского также рассматривается как польское и шляхетское по своей сути, хоть и упоминается о некоторых законодательных изменениях в пользу крестьян. Тем самым символическая ценность восстания в белорусской истории оказывается незначительной.

Провозглашение БНР 25 марта 1918 года является ещё одним камнем преткновения в борьбе за коллективную историческую память. Для периода Возрождения начала 1990-х гг. акт первого провозглашения независимости Беларуси в этнографических границах приобретает неоспоримую символическую ценность, как сам по себе, так и в качестве инструмента для построения современного независимого национального государства. Вместе с тем не замалчиваются и трудности, сопутствовавшие провозглашению государственного суверенитета. Тем не менее именно эта дата видится как исток белорусской независимости.

Учебная литература двух других периодов представляет иную точку зрения, в соответствии с которой БНР, *во-первых*, дискредитируется как несостоятельное и неполноценное государство, не имевшее признания за своими пределами; *во-вторых*, национальное движение в целом сводится к периоду немецкой оккупации белорусских земель, подчёркивается факт сотрудничества деятелей национального движения с оккупационным режимом, что предполагает осуждение со стороны читателей такой учебной литературы. Очевидно, что такой пафос изложения обусловлен намерением перечеркнуть значимость национальных движений и национальной символики, которая во второй период остаётся довольно популярной среди населения. В третьем периоде отношение к БНР несколько смягчается, однако основные мотивы – неполноценного государства и пронемецкой ориентации – продолжают транслироваться. Несколько большее значение придаётся лишь деятельности представителей БНР в области культуры.

Часть 2. Проблема формирования героического эпоса: герои и антигерои белорусской истории

Цель данной части исследования: проанализировать характеристики избранных исторических деятелей с точки зрения негативной/позитивной оценки их деятельности в учебном пособии, а также вклада в историю. Анализ структурирован согласно обозначенным во введении периодам.

Выбор исторических деятелей для сравнительного анализа обусловлен, *во-первых*, присутствием различных оценок данных деятелей в учебных пособиях, а *во-вторых*, возможностью сравнить результаты нашего исследования с результатами социологического исследования, проведённого BISS совместно с лабораторией «НОВАК» по заказу кампании «Будзьма!». Как показало это исследование, большинство из выбранных нами фигур являются наиболее узнаваемыми и оцениваются респондентами как ключевые в белорусской истории. Как видно из **таблицы 2**, каждый исторический деятель имеет три описания, распространённые в учебной литературе выделенных трёх периодов.

¹¹ Ещё одна тенденция, связанная с популяризацией образа жёсткого, но эффективного исторического деятеля.

На наш взгляд, сравнение роли того или иного исторического деятеля в различные периоды является важным для понимания целей, преследуемых акторами образовательного процесса, и стратегий, используемых ими для формирования коллективной идентичности. Черты, которыми наделяется исторический персонаж, являются своего рода месседжем автора исторического текста. Культивируемый образ выступает желаемым для подражания у носителей коллективной идентичности либо выполняет функцию легитимации определённых властных практик в современности.

Вместе с тем наличие героического эпоса в исторической памяти народа представляется нам необходимым по нескольким причинам. *Во-первых*, герой и подвиги, которые он совершает, всегда выходят за границы того времени, в котором действует герой, и выступают связующим звеном между поколениями, между прошлым, настоящим и будущим, что способствует вертикальной консолидации нации. *Во-вторых*, деятельность героя почти всегда распространяется за пределы его сословия и касается народа в целом, что способствует горизонтальной консолидации – а это один из важнейших признаков современной нации. *В-третьих*, наличие соотечественников, которыми можно гордиться (а они, безусловно, могут быть у каждого народа), способствует росту самооценки и гордости за свою нацию, что также является важной составляющей национальной идентичности.

Таблица 2. Оценка исторических деятелей в школьных учебниках по истории Беларуси

Исторический деятель	Оценка роли данной личности в истории Беларуси		
	Первый период: 1993–1995 гг.	Второй период: 1996–2001 гг.	Третий период: 2002–2010 гг.
Всеслав Чародей (1029–1101)	Предстаёт в первую очередь как воин, временами жестокий и безрассудный, но отважный и опытный военачальник. История жизни Всеслава представляется как непрерывная борьба с киевскими князьями. Образ Всеслава как чародея и его приключения вдохновляли песняров и слагателей былин. При Всеславе Полоцкое княжество достигло наибольшего могущества.	«Одна из самых ярких фигур Полоцкой истории» [42, с. 29]. Роль Всеслава в истории противоречива – зачинатель междоусобной войны, под «покровом ночи» сбежал с княжеского престола в Киеве, прокняжив семь с половиной месяцев. Если исходить из летописи, утверждает автор учебника Э. Загорульский, Всеслав не герой, но «князь-неудачник с примесью авантюризма» [42, с. 33]. В то же время упоминается, что Всеслав оставил после себя могущественное княжество и яркую память потомкам. Кроме того, Всеслав и его деяния с необычайным	Тон повествования о Всеславе скорее нейтральный. Период его правления – время наибольшего могущества Полоцкого княжества. Фигура князя представляется как овеянная множеством легенд. Битва на Немиге – как трагическое событие. Три иллюстрации с изображением Всеслава.

		восхищением описываются в «Слове о полку Игореве». Правда, автор учебника объясняет такую славу князя фантазией и образованностью создателя «Слова».	
Евфросиния Полоцкая (1104 – 23 мая 1167 г.)	Красавица, необыкновенно настойчивая в своём желании уйти в монастырь. Переписывала книги, деньги отдавала нищим. «В сложные для полочан времена Евфросиния стремилась быть рядом с соотечественниками, чтобы разъяснять заповеди и положения христианской веры.., разделять заботы и беды людей» [14, с. 190]. Почитаема жителями полоцкой земли. Первая святая (женщина) среди восточных славян.	Упоминается, что Евфросиния была внучкой князя Всеслава и переписывала книги. Будучи игуменьей женского монастыря, она заказала изготовление креста. Больше никакой информации о жизни и деяниях Евфросинии Полоцкой нет. ¹²	Наделяется необыкновенной красотой, усердием, милосердием. Сочувствовала и помогала людям. Люди (полочане) её очень почитали. На склоне лет своих совершила религиозный подвиг – путешествие в Иерусалим. «Славную полочанку» гостеприимно встречали во всех землях. И католическая, и православная церкви признали Евфросинию святой. Верующие считают её покровительницей белорусской земли. Шесть изображений, относящихся к Евфросинии.
Витовт (1350–1430)	Решительно укреплял свою власть, выступал приверженцем независимости ВКЛ, требовал подчинения своей власти со стороны белорусских и украинских вассальных князей. Боролся с Ягайло. В учебнике для V–VI кл. (1993) Витовт не описывается как значимая фигура в истории Беларуси персона. ¹³	Фигуре Витовта и проводимой им политике уделяется много внимания и одиннадцать страниц учебного текста. Он представляется как князь, проводивший последовательную политику независимости ВКЛ от Польши. Витовт характеризуется как мудрый правитель, но в то же время хитрый (часто менял союзников и религию для достижения политических целей) и	Витовт наделяется наиболее положительными чертами: славный, мудрый, великий. В учебнике ему уделяется больше всего места. При Витовте ВКЛ достигло наибольшего могущества и наибольших размеров. «Решительно укреплял свою власть» – отмечено как позитивный факт [11, с. 136]. Витовт – фактический руководитель объединённой армии в Грюнвальдской битве, а значит – её победитель.

¹² Как и не упоминаются другие деятели культуры X–XIII вв.

¹³ В учебниках 1993 года издания заметны хаотичность и несогласованность в преподнесении исторического прошлого, несформированность героического и национального эпоса.

		жѣсткий (умело расправлялся со своими врагами) политик. Победа в Грюнвальдской битве также во многом заслуга Витовта. В целом Витовт характеризуется положительно, с его правлением связывается наивысший расцвет ВКЛ.	
Франциск Скорина (ранее 1490 – 1551)	Именуется «Вялікім пачынальнікам». Славный сын земли белорусской. Великая личность не только для белорусской, но и для всей восточно-европейской истории. В подробностях рассказывается о жизни и творчестве Скорины, освещается его деятельность по просвещению белорусского народа, которая характеризуется как «святая справа». Скорина также называется патриотом, но его патриотизм особенный (возможно такой, который авторам хотелось бы воспитать у белорусов в конце XX в.): общечеловеческий, в который «вплетается и любовь к своей Родине, и уважение к достижениям и мудрости других народов» [19, с. 109]. Скорине посвящено семь страниц текста учебника, сопровождаемых четырьмя иллюстрациями.	Характеризуется как «великий сын белорусского народа» [19, с. 180]. Довольно подробно и доброжелательно рассказывается биография Скорины. Отмечается, что он стремился сделать книгу доступной для простых людей, а также он был патриотом и «горячим защитником родного языка» [19, с. 181]. Называя себя русским, Скорина соотносил себя не только с ВКЛ, но и с Московским княжеством.	Фигуре Скорины очевидно придаётся большое значение в белорусской истории. Об этом свидетельствует и количество отведенного ему места в учебнике: шесть страниц и четыре иллюстрации [21, с. 138–143]. Кроме того, подчёркивается, что Скорина – это фигура не только локального (белорусского), но и, по крайней мере, регионального (восточно-славянского) масштаба. Об этом свидетельствует и название параграфа, посвящённого белорусскому просветителю: «Франциск Скорина – восточно-славянский и белорусский гуманист и просветитель». ¹⁴ Скорина описывается как человек «необычайных способностей»: не только издатель, но и автор предисловий, сказаний, он стремился сделать библейские сюжеты доступными простому читателю. Скорина – гуманист, а также «горячий патриот, преданный приверженец духовного и

¹⁴ Все цитаты, названия глав, кроме ссылок на учебники, переведены мною на русский язык для удобства восприятия.

			гражданского единства народа, христианских и общечеловеческих ценностей» [21, с. 140]. ¹⁵ «Титан белорусского Возрождения» [21, с. 141]. Намного опередил своих соотечественников. Отмечается, что Скорина стал одним из самых знаменитых выпускников Падуанского университета, его изображение висит почти над кафедрой Галилея, в окружении других знаменитых учёных. ¹⁶ Итог подводится утверждением, что «Ф. Скорина – один из наиболее величественных сыновей Беларуси» [21, с. 143].
Лев Сапега (1557–1663)	Известный политический и государственный деятель ВКЛ. Один из самых талантливых и знаменитых представителей рода Сапег. Мудрый и образованный. Патриот ВКЛ, посвятивший себя, свои таланты и своё богатство служению родине.		Упоминается принятие Статута 1588 г. как доказательство независимости ВКЛ от Польши в этот период. Само имя Л. Сапеге при этом не называется.
Кастусь Калиновский (1838–1864)	«Выдатный сын Беларусі» [25, с. 139], «мужны сын беларускага народа» [25, с. 148], «нацыянальны герой» [25, с. 148]. Приводится довольно подробная биография	Фигура Калиновского никак не оценивается и ничем не выделяется. В нескольких словах описывается его биография, приводится краткий перечень действий, которые он	Описывается как человек «образованный, чистый, полный высокородства, ума и энергии» [13, с. 86]. В учебнике Калиновскому и восстанию 1863–64 гг. уделяется довольно много места – шесть

¹⁵ На мой взгляд, важная цитата, которая представляет Скорину, по сути, как думающего в русле идеологии белорусского государства. И ещё одна: «Идеалом Франциска Скорины была справедливая и сильная монархия, которая бы поддерживала христианскую справедливость, руководствовалась законами, жила в мире и согласии с соседями, способствовала развитию хозяйства и духовной культуры подданных» [21, с. 140].

¹⁶ Риторика утверждения значимости достижений белорусской культуры по отношению к другим культурам, которая появляется в учебниках последнего поколения.

	<p>Калиновского, что является редкостью для учебников этого периода и подчёркивает значимость этой фигуры. Калиновский представляется как борец за права крестьян и независимость Литвы и Беларуси от Польши и Российской империи. Калиновский описывается как человек, который пострадал в силу неблагоприятных обстоятельств, но честно и до конца боролся за будущее Беларуси. Издание газеты «Мужыцкая праўда» оценивается положительно. В заслугу Калиновскому ставится перерастание белорусского национально-культурного движения в политическое восстание и борьбу за «государственность в Беларуси» в форме народовластия.</p>	<p>предпринимал во время подготовки восстания и в процессе его осуществления. Положительные коннотации присутствуют лишь в оценке стремлений Калиновского отстаивать права крестьян во время восстания. Целью издание газеты «Мужыцкая праўда» объявляется «привлечение к восстанию крестьян» как «основной силы» [36, с. 57]. С этой же целью в газете использовался белорусский язык.</p>	<p>страниц, по сравнению с восстанием 1830–31 гг. и восстанием Т. Костюшко, про которого вообще только упоминается. Тем не менее, Калиновский предстаёт перед нами скорее безрассудным романтиком и чудачком, нежели героем.¹⁷ Его судьба представляется трагической. В то же время нередко восстание характеризуется как «польское», а Калиновский является представителем польской шляхты.¹⁸ Газета «Мужыцкая праўда», издаваемая К. Калиновским, описывается как ряд «подпольных революционных прокламаций»: «На самой справе “Мужыцкая праўда” не мела ніякіх прыкмет газеты і нічым не адрознівалася ад іншых пракламацый» [32, с. 70].</p>
<p>Вацлав Ластовский (1883–1938)</p>	<p>Характеризуется как один из наиболее активных деятелей белорусского национально-культурного возрождения начала XX в. Приводится краткая биография Ластовского, отмечается важная роль его «Кароткай гісторыі Беларусі» в деле пробуждения национальной исторической памяти и самосознания белорусского народа.</p>	<p>Упоминается как один из деятелей белорусского национального движения.</p>	<p>В некоторых учебниках имя В. Ластовского лишь упоминается, без каких-либо личностных характеристик.²⁰ Но в учебнике для IX класса (2006 г.) даётся краткое описание его деятельности. Он предстаёт как один из руководителей белорусского национального движения, автор учебников для белорусских школ, академик Белорусской академии наук, а также</p>

¹⁷ Возможно, здесь сказывается боязнь революционного пафоса.

¹⁸ В третьем периоде следует различать учебники, написанные Штыховым и другими авторами: в них много различий в характеристиках исторических деятелей и событий.

	Упоминается роль руководителя белорусского национального движения во время немецкой оккупации. В целом личность В. Ластовского оценивается позитивно. Тем не менее, он выступает скорее как культурный, нежели политический деятель. ¹⁹		инициатор поиска креста Евфросинии Полоцкой [22, с. 45–46].
Петр Машеров (1918–1980)		Личность П. Машерова характеризуется позитивно, упоминается его роль как талантливого руководителя, однако информация крайне лаконичная. Упоминается, что он обладал авторитет во властных структурах, его уважали в народе. Тем не менее «на него оказывали большое давление из центра». И далее: «Они (Машеров и Киселёв) жили и работали в рамках тех обстоятельств, которые сложились вокруг них» [36, с. 174]. В чём заключались уступка обстоятельствам и заслуги Машерова в управлении БССР, не уточняется.	Упоминается, что П. Машеров являлся руководителем компартии Беларуси с 1965 по 1980 гг. Отмечается, что «с его именем связаны многие достижения в развитии экономики, науки, и культуры республики» [33, с. 188]. Также указывается, что большое впечатление на общественность произвела трагическая смерть П. Машерова. ²¹

Выводы к таблице 2. Среди рассмотренных нами характеристик исторических деятелей наибольшим количеством положительных оценок и однозначным одобрением выделяется Франциск Скорина, который является, можно сказать, символом Беларуси. Это подтверждают и результаты опроса, проведённого в рамках кампании «Будзьма!», и социологических исследований, проведённых Белорусским

¹⁹ Это более поздний материал, относящийся к 1998 г. Однако общая картина, а также материал, посвящённый белорусскому национальному движению, позволяют отнести его к первому периоду. Информация о Ластовском, возможно, содержится и в книгах 1993–94 гг., но её найти не удалось.

²⁰ Необходимо отметить, что для учебной литературы третьего периода вообще не характерно позитивное и яркое представление исторических личностей XX века. Информация об исторических деятелях является краткой, а их деятельность не вызывает у авторов учебников никакого восхищения.

²¹ Что и явилось причиной мистификации его фигуры?

институтом стратегических исследований (BISS) совместно с социологической лабораторией «Новак». Фигура Скорины примечательна ещё и тем, что это единственный из включённых в наше исследование деятель, символизирующий выход белорусской культуры за пределы Беларуси. Посредством Скорины утверждается значимость белорусской культуры в восточно-европейском регионе (как первопечатника), но также и в Западной Европе, о чём свидетельствует его статус как одного из самых знаменитых выпускников Падуанского университета.

Во всей учебной литературе Скорина представляется как патриот белорусской земли (один из немногих деятелей белорусской истории, которые предстают перед школьниками патриотами в учебниках всех трёх периодов), который трудился на благо её народа. Такой патриотизм, безусловно, заслуживает одобрения и должен служить примером для подражания. Тем не менее, в разные периоды понятие патриотизма наполняется различными смыслами. В учебниках 1993–94 гг. патриотизм понимается как любовь к достижениям своей Родины, но также признание и уважение общемирового культурного наследия. В литературе второго периода патриотизм Скорины распространяется не только на белорусские земли, но и на Московское княжество, что обосновывается самоидентификацией первопечатника как «русина». В учебной литературе третьего периода понимание патриотизма включает также и гражданскую составляющую, а сам Скорина наделяется стремлением к духовному объединению народа.

Скорина – удобная фигура и с точки зрения установки на религиозную толерантность. Точно не установлено, к какому из ответвлений христианства он принадлежал, что, соответственно, делает его признаваемым представителями различных христианских конфессий, что также может служить мотивом для единения. В целом, как исторический деятель, Франциск Скорина наделяется лишь положительными эпитетами и заслугами и действительно может рассматриваться как один из немногих *Героев* белорусской истории.

Ещё один положительный герой белорусской истории – Великий князь Витовт. Авторы учебных пособий 1993–94 гг. интересуют прежде всего борьба за независимость литовских земель, с которой связывают фигуру Витовта. Сам Витовт не достаивается большого внимания. Возможно, это связано с трудностями «присвоения» Витовта, отсутствием на тот момент его однозначной идентификации как своего (белорусского) или чужого (литовского) князя. Но в последующей литературе, посвящённой теме независимости, которая представляется именно как независимость от Польши, акцент смещается на фигуру самого Витовта – мудрого, решительного и порой даже жёсткого политика, «решительно» укрепляющего свою власть. Это уже оценивается позитивно и, возможно, используется с намерением оправдать наличие жёсткой централизованной власти в наше время. Кроме того, важной представляется роль Витовта как победителя над крестоносцами, которая также становится особенно заметной в литературе второго и третьего периодов.

Всеслав Чародей – один из знаменитых персонажей белорусской истории – оценивается неоднозначно, прежде всего в силу своей борьбы с киевскими князьями. Годы активного установления тесных политических и экономических связей с Россией отразились усилением пророссийской составляющей в учебном материале по истории. Поэтому фигура полоцкого князя, проводившего последовательную политику установления независимости от Киевской Руси да ещё конкурирующего с киевскими князьями, оказывается не подходящей для этой цели. В учебниках второго периода Всеслав предстаёт перед нами чудачком, авантюристом и неудачником, его легендарный образ оказывается сконструированным летописным мастерством автора «Слова о полку Игореве».

В контексте пересечения интерпретаций также интересна и фигура Кастуся Калиновского, который в одних учебниках предстаёт как национальный герой, много сделавший для подъёма национального самосознания, в других – как безрассудный,

хотя и смелый юноша, в третьих же – как фигура, вообще не требующая пристального внимания в процессе изучения истории Беларуси. В последнем случае речь идёт о периоде интенсивной интеграции с Россией, когда К. Калиновский практически предаётся забвению, поскольку восстание, которым он руководил, несмотря на распространённый ярлык «польского», было одновременно и антироссийским.

Примечательна оценка деятельности Калиновского в учебной литературе последнего поколения. Здесь знаменитый революционер предстаёт интеллигентным и образованным молодым человеком, однако его пылкий и решительный характер привёл к трагедии рано оборвавшейся жизни. Кроме того, иногда К. Калиновского относят к представителям польской шляхты. Очевидно, что такая тенденция связана с неприятием официальным дискурсом революционного пафоса как такового, попыткой нивелировать революции в истории, и тем более революции национально-освободительного характера. Однако К. Калиновского как фигуру слишком значительную для белорусской исторической памяти просто так «забыть» невозможно. Поэтому делается попытка представить его как пылкого юношу, усилия которого по спасению белорусского крестьянства оказались напрасными. К тому же Калиновский оказывается ещё и поляком, поэтому он не должен иметь никакого отношения к белорусскому национальному движению и, значит, не может представлять никакого символического значения.

Следует также упомянуть, что в процессе отбора исторических деятелей обнаружилась одна трудность: оказалось, что история XX века предстаёт перед нами без Героев с большой буквы. Сложно найти имена исторических деятелей, которые выступали бы знаковыми для большинства людей. В основном, речь идёт либо о деятелях культуры, либо героях Второй мировой войны. Этот вывод подтверждает и проект «Імёны Беларусі: топ-12» кампании «Будзьма!»: из деятелей XX века в «двенадцатку» вошли только писатели, причём те, которые вскользь (или вообще не) упоминаются в современных учебниках по истории Беларуси (<http://budzma.org/projects/imyony-byelarusi-top-12/druhi-etap-halasavannya-imyony-byelarusi-top-12-ad-5-trawnya.html>). Нам видятся две возможные причины для объяснения такой ситуации. Возможно, это специфика XX века с его массовизацией, смертью автора и интенсификацией коммуникационных процессов, в которых герои могут появляться, исчезать и быстро забываться. С другой стороны, все более-менее значительные деятели могут элиминироваться из исторической памяти, так же как политические деятели элиминируются из публичной сферы, для того чтобы не создавать конкуренцию, пусть только символическую, правящей элите. В этом контексте фигура Петра Машерова, одного из самых известных белорусам исторических деятелей советского периода, заслуживает закономерную оценку. Деятельность Машерова описывается лаконично, занимая один-два абзаца. Ничего примечательного о человеке, который 20 лет являлся (пусть и номинальным) руководителем страны, белорусскому школьнику не сообщается.

Часть 3. Образы себя и Другого в школьных учебниках по истории

Несмотря на то что почти в каждом из учебников для V–VI классов, а затем и X класса, уже начиная с первого периода присутствует раздел, или параграф, который называется «Формирование белорусской народности» или «Этнические процессы», чётких представлений о том, кто такие белорусы, они не дают. Среди основных признаков белорусского этноса, как правило, называются, причём в заданной последовательности: язык, территория, особенности бытовой культуры, наличие национального самосознания, этноним. Все эти характеристики весьма пространно раскрываются по отношению к традиционной культуре, однако мало что могут дать современному белорусскому школьнику, с одной стороны, для осознания своей особенности как представителя белорусской нации, с другой – для формирования чувства общности с другими её представителями. Часто встречается характеристика

белорусского народа как преимущественно православного и восточно-славянского, упоминается также национальная и религиозная терпимость, имевшая широкое и повсеместное распространение на белорусских землях, что, очевидно, должно отсылать к пресловутой толерантности как характерной черте белорусов.

Для учебной литературы второго и третьего периодов характерна тенденция практически полного отождествления белорусского народа с крестьянским населением в исторической перспективе. Противопоставляются интересы народа (белорусов, или славян, или западных русских) и шляхты (феодалов), которая всегда была польского или литовского происхождения. Так, если речь идёт о восстании 1830–1831 гг., то это исключительно восстание польской шляхты, которая преследовала свои интересы и не нашла поддержки у народа. Или при описании периода ВКЛ упоминается о том, что белорусские земли входили в состав ВКЛ, но ими управляли исключительно литовские феодалы, участвовавшие в заседаниях сеймов и принимавшие политические решения, которые не совпадали с интересами народа.

Тем не менее, начиная с учебников 2002 года издания можно проследить целенаправленные попытки сформировать у молодых белорусов представления о самих себе. Эти попытки присутствуют не только имплицитно, в специфической подаче учебного материала, о которой говорилось раньше, но и явным образом, посредством введения в учебник по истории специфических характеристик белоруса, белорусского народа, белорусской истории и культуры, а также таких понятий, как патриот (см.: **Таблица 3**).

Таблица 3.

Ключевые понятия	Характеристики
Белорус	Трудолюбивый, хозяйственный, бережливый. Его жизнь всегда была сложной и тяжёлой. Миротлюбивый, но хороший воин, если нужно защищать Родину. Счастье видится в свободном труде на собственной земле [11, с. 179].
Белорусский народ	Искренний, гостеприимный.
Белорусская культура	Не хуже, чем у других народов Европы.
Белорусская история	Героическая, драматическая.
Патриот	Знает историю своей Родины, несёт ответственность за её будущее.
Друзья	Русские, украинцы (братские народы).
Соседи	Литовцы, поляки.
Враги	Крестоносцы (на протяжении определённого исторического периода), монголо-татары, фашистская Германия.

Важную роль в процессе самоописания играет образ Другого. Для белорусов другие – это прежде всего соседи, среди которых главный Другой – русские, которые не всегда даже «Другой», но также и «Свой». Это народ, с которым когда-то белорусы составляли нечто единое (концепция древнерусской народности). Упоминаются также украинцы, «трудолюбивые и честные» [11, с. 142], литовцы, с которыми белорусы дважды жили в одном государстве. Тем не менее, литовцы присутствуют в белорусских учебниках по истории без определённой оценки: их не критикуют, но и никак не описывают. Кроме того, подчёркивается, что в период создания ВКЛ балты вообще находились на нижней ступени развития по сравнению со славянами.

Промежуточное место занимают поляки. Причём поляки – это исключительно «польская шляхта», с которыми белорусы сначала строили государство на равных, а затем, в период позднего ВКЛ и Речи Посполитой, попали под окатоличивание и ополячивание. И период 1921–1939 гг., когда земли Западной Беларуси находились

в составе Польши, называется периодом «польской оккупации». Тем не менее, сами поляки не вызывают жёстко негативных эмоций.

Самые заклятые враги белорусов во все времена, исходя из учебников, крестоносцы и затем фашистская Германия, которые наделяются соответствующими эпитетами и прежде всего такими чертами, как жестокость и коварство. Нападение и крестоносцев, и фашистской Германии характеризуется как агрессия. В качестве врага фашистская Германия наделяется также отрицательными моральными качествами. Нашествие монголо-татаров также упоминается как опасность для белорусских земель, однако непродолжительная и неповсеместная.

Заключение

Исходя из проведенного анализа, рассмотренные периоды можно охарактеризовать следующим образом:

- 1993–1995 гг. – антиколониальный период, связанный с риторикой отрицания и замещения травмирующего прошлого героическим аналогом. Происходит не только деконструкция старых колониальных мифов, но и предпринимается попытка конструирования новой идентичности, причём с ориентацией на демократические принципы и общечеловеческие ценности.
- 1996–2001 гг. – период борьбы с имеющим ещё достаточное влияние национальным проектом. Риторика изложения материала жёсткая, пафос – разрушительный.
- 2002–2009 гг. – период псевдосозидательного пафоса, характеризующийся стремлением не воссоздать историческое прошлое во всей его противоречивости, но сконструировать новую историю, которая соответствовала бы ценностям, декларируемым в рамках государственной идеологии. Но поскольку эти ценности по сей день являются разрозненными и исходящими из разных источников, главными из которых, на наш взгляд, являются выступления президента РБ А. Лукашенко, то и концепция исторического прошлого оказывается лишённой какой-либо связности и осмысленности.

Анализируя процесс написания учебников по истории для белорусских школьников, можно выявить следующие тенденции, характерные для учебников последнего поколения:

- в противовес тотальной элиминации героического эпоса во второй период, можно заметить постепенное возвращение героев, пропущенных через фильтр идеологии белорусского государства;
- вместе с тем новейшая белорусская история по-прежнему лишена героев и знаковых исторических деятелей, что может быть связано со стремлением нынешней власти избегать конкуренции;
- происходит постепенное освоение досоветской истории, которое всё ещё избирательно и ориентируется в первую очередь на поиск истоков белорусской государственности и утверждение её древности;
- популярность приобретает образ жёсткого, но эффективного исторического деятеля;
- история национального движения и национально-освободительная риторика не находят места в новой истории.

Таким образом, история Беларуси, на наш взгляд, в том виде, в каком она излагается в школьных учебниках, является индикатором происходящих в обществе социально-политических трансформаций и транслятором ценностных установок, принятых во властном дискурсе в тот или иной период времени. Что делает историю важным инструментом для идеологических манипуляций и конструирования национальной идентичности, инструментом, требующим особенно пристального изучения.

В то же время историческая память как важный элемент национальной идентичности конструируется властным дискурсом не напрямую, но опосредованно, с помощью субъектов образовательного процесса. В этом отношении для нас представляют интерес институты, учреждения и акторы, находящиеся в образовательном поле, которые становятся субъектами, только если откликаются на призыв власти, в нашем случае – это призыв к переописанию исторического прошлого.

Таким образом, цель любого образовательного процесса – формирование индивида определённого типа, который принимал бы и транслировал ценности современного ему общества, – подменяется стремлением акторов образовательного процесса стать субъектами. То есть ответить на вызов власти и обнаружить свою позицию в образовательном поле. Такая ситуация не может не иметь негативных последствий, в особенности, в отношении объекта образовательного процесса, то есть школьника, который оказывается потерянными в поле противоречащих друг другу интерпретаций, а значит оказывается аисторичным.

Тем не менее, усилия властного дискурса, направленные на централизацию и подчинение образовательных практик, оказываются всё более плодотворными, связанными напрямую с построением идеологии белорусского государства. Эта идеология хоть и не является целостным проектом, но оказывает значительное влияние на образовательные практики как за счёт непосредственных изменений, вносимых в курс преподавания истории Беларуси, так и опосредованно, с помощью таких техник, как интерпелляция.

Намерения по освоению образовательного поля властным дискурсом сказываются как на содержании, так и на форме учебной литературы. В последнее время (начиная с 2002–2003 гг.) в учебниках обнаруживается явная идеологическая составляющая, которая во многом оказывает влияние на содержание учебника. Кроме того, учебник становится более простым в изложении, снабжённым большим количеством иллюстраций, что делает его более доступным для усвоения. Исходя из заявленной нами важности интериоризации, мы можем утверждать, что учебная литература именно третьего периода отвечает этой потребности (в интериоризации), поскольку характеризуется активным вовлечением материала в процесс построения мировоззрения и формирования национальной идентичности у школьников.

Список литературы

1. Система образования Республики Беларусь // Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь [Электронный ресурс] Точка доступа: <http://www.president.gov.by/press10679.html>.
2. Ферро, М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира / М. Ферро; перев. с франц. – М.: Высшая школа, 1992. – 351 с. [Электронный ресурс] Точка доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/ferro/intro.php.
3. Рикёр, П. Память, история, забвение / П. Рикёр; перев. с франц. И.И. Блауберг [и др.]. – М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2004. [Электронный ресурс] Точка доступа: <http://elenakosilova.narod.ru/studia2/ricoeur.htm>.
4. Рикёр, П. Повествовательная идентичность [Электронный ресурс] Точка доступа: http://sprach-insel.com/index.php?option=com_content&task=view&id=130&Itemid=61.
5. Нора, П. Проблематика мест памяти: Франция-память / П. Нора [и др.]. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. С. 17–50 [Электронный ресурс] Точка доступа: <http://ec-dejavu.ru/m-2/Memory-Nora.html>.
6. Castells, M. The Information Age: Economy, Society and Culture / M. Castells; Vol. 2: The Power of Identity. Oxford: Blackwell, 1997.
7. Закон Республики Беларусь об образовании. В редакции Закона от 19 марта 2002 г. № 95-З // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2002. № 37,2/844. [Электронный ресурс] Точка доступа:

<http://www.cis.unibel.by/modules.php?op=modload&name=News&file=article&sid=156&mode=thread&order=0&thold=0>.

8. Штыхов, Г.В. История Беларуси с древнейших времен до середины XIII века / Г.В. Штыхов, С.Н. Темушев, В.В. Ракуть; под ред. Г.В. Штыхова, Ю.Н. Бохана. – Минск: Изд. центр БГУ, 2009. – 143 с.: ил.

9. Dijk, Teun A. Van. Discourse studies in education. [Electronic resource] Mode of access:

<http://www.discourses.org/OldArticles/Discourse%20studies%20and%20education.pdf>.

10. Ластовский, А. Специфика исторической памяти в Беларуси: между советским прошлым и национальной перспективой. [Электронный ресурс] Точка доступа: <http://www.polit.ru/research/2010/07/19/belorus.html>.

11. Штыхаў, Г.В. Гісторыя Беларусі ў сярэднія вякі: Вучэб. дапам. для 5-га кл. агульнаадукац. шк. з бел і рус. мовамі навучання / Г.В. Штыхаў, В.У. Ракуць; пад рэд. П.Ц. Петрыкава; 2-е выд. – Мн.: Нар. асвета, 2003. – 207 с.: іл., карт.

12. Гісторыя Беларусі: другая палова XIII – першая палова XVI ст.: вучэб. дапам. для 7-га кл. агульнаадукац. устаноў з беларус. мовай навучання / Г.В. Штыхаў, Ю.М. Бохан, М.А. Краснова; пад рэд. Ю.М. Бохана. – Мінск: Нар. асвета, 2009. – 158 с.: іл.

13. Сосна, У.А. Гісторыя Беларусі: вучэб. дапам. для 8 кл. устаноў, якія забяспечваюць атрыманне агул. сярэд. адукацыі, з бел. і рус. мовамі навучання з 12-гадовым тэрмінам навучання / У.А. Сосна, С.В. Марозава, С.В. Паноў; пад рэд. М.С. Сташкевіча. – Мн.: Выд. цэнтр БДУ, 2005. – 167 с.: іл. карт.

14. Штыхаў, Г.В. У. К. Гісторыя Беларусі: Старажыт. часы і сярэдневечча: Вучэб. дапамож. для 5–6 кл. / Г.В. Штыхаў, У.К. Пляшэвіч. – Мінск: Нар. асвета, 1993. – 254 с.

15. Штыхаў, Г.В. Гісторыя Беларусі ў сярэднія вякі: Падруч. для 6 кл. / Г.В. Штыхаў, В.У. Ракуць; пад рэд. П.Ц. Петрыкава. – Мн.: Нар. асвета, 1996. – 176 с.

16. Загарульскі, Э.М. Гісторыя Беларусі са старажытнейшых часоў да сярэдзіны I тысячагоддзя н. э.: Падруч. для 5 кл. агульнаадукац. шкл. з бел. і рус. мовамі навучання / Э.М. Загарульскі; перакл. з рус. мовы А.В. Мажэйка; 2-е выд. – Мн.: Нар. асвета, 2000. – 103 с.

17. Штыхаў, Г.В. Гісторыя Беларусі са старажытных часоў да сярэдзіны XIII ст.: вучэб. дапам. для 6 кл. агульнаадукац. устаноў з беларус. мовай навучання / Г.В. Штыхаў, С.М. Цемушаў, В.У. Ракуць; пад рэд. Г.В. Штыхава, Ю.М. Бохана. – Мн.: ВЦ БДУ, 2009. – 143 с.: іл.

18. Штыхов, Г.В. История Беларуси с древнейших времен до середины XIII в.: учеб. пособие для 6 кл. общеобразоват. учреждений с рус. яз. обучения / Г.В. Штыхов, С.Н. Темушев, В.В. Ракуть; под ред. Г.В. Штыхова, Ю.Н. Бохана. – Мн.: ИЦ БГУ, 2009. – 143 с.: ил.

19. Лойка, П.А. Гісторыя Беларусі: Вучэб. дапамож. для 7 кл. сярэд. школы / П.А. Лойка. – Мінск: Нар. асвета, 1993. – 191 с.: іл.

20. Лойка, П.А. Гісторыя Беларусі. 16–18 стст.: Вучэб. дапаможнік для 7-га класа агульнаадукац. школы з бел. і рус. мовамі навучання / П.А. Лойка; пад рэд. Г.Я. Галенчанка; 2-е выд. – Мінск: Нар. асвета, 2000. – 214 с.: іл.

21. Штыхаў, Г.В. Гісторыя Беларусі. Другая палова XIII – першая палова XVI ст.: вучэб. дапам. для 7 кл. агульнаадукац. устаноў з беларус. мовамі навучання / Г.В. Штыхаў, Ю.М. Бохан, М.А. Краснова; пад рэд. Ю.М. Бохана. – Мн.: Нар. асвета, 2009. – 157 с.: іл.

22. Штыхов, Г.В. История Беларуси. Вторая половина XIII – первая половина XVI в.: учеб. пособие для 7 кл. общеобразоват. учреждений с рус. яз. обучения / Г.В. Штыхов, Ю.Н. Бохан, М.А. Краснова; под ред. Ю.Н. Бохана. – Мн.: Нар. асвета, 2009. – 159 с.: ил.

23. Баранова, М.П. Гісторыя Беларусі: Падруч. для 8–9 кл. сярэд. шк. / М.П. Баранова, Э.М. Загарульскі, Н.Г. Паўлава. – Мн.: Нар. асвета, 1993. – 273 с.

24. Біч, М.В. Гісторыя Беларусі: Канец XVIII ст. – 1917 г.: Вучэб. дапам. для вучняў 8 кл. – Мінск: Нар. асвета, 1993. – 335 с.: іл.

25. Біч, М.В. Гісторыя Беларусі: Канец XVIII ст. – 1917 г.: Вучэб. дапам. для 8 кл. агульнаадукац. школы / М.В. Біч; пад рэд. Я.М. Бабосава. – Мінск: Нар. асвета, 1998. – 288 с.: іл.

26. Гісторыя Беларусі (канец XVIII ст. – 1917 г.): 8 клас: Кн. для чытання: дапам. для вучняў агульнаадукац. устаноў з беларус. і рус. мовамі навучання з 12-гад. тэрмінам навучання / Аўт.-склад. Н.Я. Новік. – Мн.: ВЦ БДУ, 2007. – 167 с.: іл.
27. Сідарцоў, У.Н. Гісторыя Беларусі: 1917–1992: Вучэб. дапамож. для 9 кл. сярэд. шк. / У.Н. Сідарцоў, В.М. Фамін. – Мінск: Нар. асвета, 1993. – 318 с.: іл.
28. Сідарцоў, У.Н. Гісторыя Беларусі. 1917–1996: Вучэб. дапам. для 9 кл. / У.Н. Сідарцоў, В.М. Фамін, С.В. Паноў; пад. ред. М.С. Шашкевіча. – Мінск: Нар. асвета, 1997. – 192 с.: іл.
29. Сидорцов, В.Н. История Беларуси, 1917–1945: учеб. пособие для 9 кл. учреждений, обеспечивающих получение общ. сред. образования, с рус. яз. обучения с 12-лет. сроком обучения / В.Н. Сидорцов, С.В. Панов; под ред. Н.С. Шашкевича. – Мн.: ИЦ БГУ, 2006. – 216 с.: ил.
30. Гісторыя Беларусі. 1917–1945 гг.: 9 клас: Кн. для чытання : дапам. для вучняў агульнаадукац. устаноў з беларус. і рус. мовамі навучання з 12-гад. тэрмінам навучання / Аўт.-склад. Н.Я. Новік. – Мн.: ВЦ БДУ, 2007. – 139 с.
31. Штыхаў, Г.В. Гісторыя Беларусі: ад старажыт. часоў да канца XIII ст. Вучэб. дапам. для вучняў 10 кл. у 2 кн. / Г.В. Штыхаў. – Мн.: Нар. асвета, 1994. 108 с.
32. Галенчанка, Г.Я. Гісторыя Беларусі: другая палова XIII–XVIII ст.: Вучэб. дапам. для 10 кл.: у 2 кн. Кн. 2 / Г.Я. Галенчанка, П.А. Лойка; пад рэд. П.Ф. Дзмітрачкава. – Мінск: Нар. асвета, 1997. – 112 с.
33. Фомин, В.М. История Беларуси, 1945–2005 гг.: учеб. пособие для 10 кл. учреждений, обеспечивающих получение общ. сред. образования, с рус. яз. обучения с 12-лет. сроком обучения / В.М. Фомин, С.В. Панов, Н.Н. Ганущенко; перев. с белорус. Н.С. Макаревич. – Мн.: Изд. центр БГУ, 2006. – 199 с.: ил.
34. Трещенок, Я.И. История Беларуси с древнейших времён до октября 1917 года: учеб. пособие для 10 кл. общеобразоват. учреждений с рус. яз. обучения / Я.И. Трещенок, А.А. Воробьёв, В.В. Волженков ; под. ред. Я.И. Трещенка. – Мн.: Адукацыя і выхаванне, 2008. – 251 с.: рис.
35. Гісторыя Беларусі 1917–1945 гг. 10 клас : дапам. для вучняў агульнаадукац. устаноў з беларус. і рус. мовамі навучання / Аўт.-склад.: А.А. Каваленя [і інш.]; пад рэд. А.А. Кавалені. – Мн.: Пачатк. шк., 2009. – 287 с.
36. Качалаў, І.Л. Гісторыя Беларусі: канец XVIII ст. – 1999 г.: Вучэб. дапам. для 11 кл. агульнаадукац. шк. з бел. і рус. мовамі навучання / І.Л. Качалаў, Г.С. Марцуль; пад рэд. Я.К. Новіка; 2-е выд. – Мн.: Нар. асвета, 2002. – 206 с.: іл.
37. Петрыкаў, П.Ц. Гісторыя Беларусі (канец XVIII – XX ст.): Вучэб. дапам. для 11 кл. агульнаадукац. шк. з бел. і рус. мовамі навучання / П.Ц. Петрыкаў; перакл. з рус. мовы В.В. Заня. – Мн.: Нар. асвета, 2002. – 176 с.: іл.
38. Коўкель, І.І. Гісторыя Беларусі, XIX – пачатак XXI ст.: вучэб. дапам. для 11 кл. устаноў, якія забяспечваюць атрыманне агул. сярэд. адукацыі, з беларус. мовай навучання з 11-гад. тэрмінам навучання: (базавы і павыш. узроўні) / І.І. Коўкель, З.С. Ярмусік; пад. рэд. А.А. Кавалені. – Мн.: Выд. цэнтр БДУ, 2006. – 391 с.: іл.
39. Гісторыя Беларусі. XIX – пачатак XXI ст.: вучэб. дапам. для 11 кл. агулаадукац. устаноў з беларус. мовай навучання / Я.К. Новік [і інш.]; аўт. метада. апарату В.В. Гінчук; пад. рэд. Я.К. Новіка. – Мн.: ВЦ БДУ, 2009. – 239 с.: іл.
40. Трещенок, Я.И. История Беларуси (октябрь 1917 г. – начало XXI в.): учеб. пособие для 11-го кл. общеобразоват. учреждений с рус. яз. обуч. / Я.И. Трещенок, А.А. Воробьёв, М.Н. Железняк; под ред. Я.И. Трещенка. – Мн.: Нар. асвета, 2009. – 181 с.: ил.
41. Казакевіч, А. Культурны фон беларускай палітыкі. [Электронны рэсурс] Кнопка доступу: <http://kamunikat.fontel.net/www/knizki/palityka/parlamentaryzm/02a.htm>.
42. Загарульскі, Э.М. Гісторыя Беларусі: з сярэдзіны I тыс. да Люблінскай уніі 1569 г.: Падруч. для 6-га кл. агульнаадукац. шк. з бел і рус. мовамі навучання / Э.М. Загарульскі. – Мн.: Нар. асвета, 1999. – 197 ст.: іл.